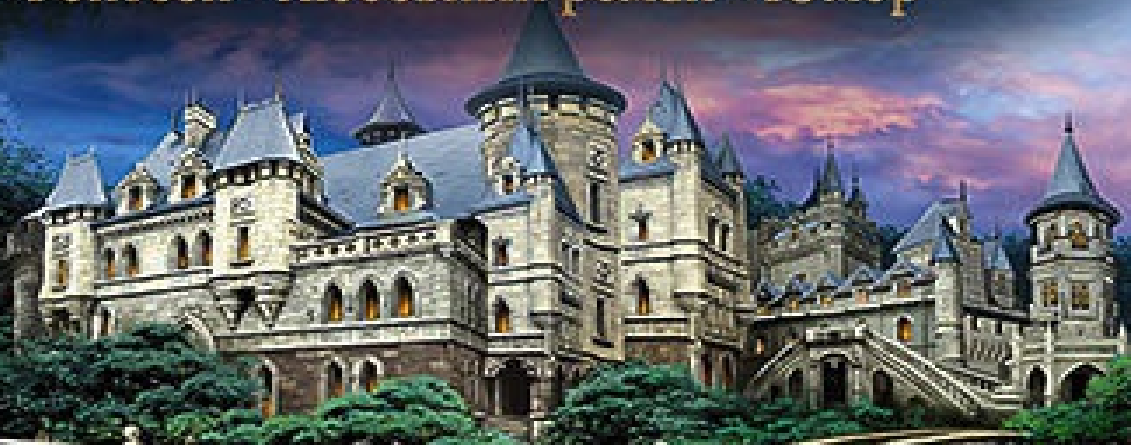

Марьяна Сурикова

Просто позови.
Практика жизни

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Любовь и ненависть несовместимы. Невозможно любить того, кого ненавидишь, или ненавидеть любимого. Пройти суровую академию жизни и остаться верной себе, измениться, но не потерять собственное «я» — задача почти непосильная, но не для меня. Я справилась и победила своих врагов. Впереди последнее испытание — влюбить в себя мужчину, с которым мы не можем быть вместе.

Марьяна Сурикова

Просто позови. Практика жизни

Глава 1

Вкус свободы

Я стояла на балкончике у ректорского кабинета и с тоской смотрела вниз на Элинну, которая ободряюще помахала мне рукой. Именно староста притащила меня к ненавистой лестнице, сказав, что Амир велел прийти. Когда я вернулась в комнату после разговора с Эди, девушки потребовали объяснить, откуда взялись ожоги на моей спине. Я поведала им всю историю. Мелинда только ахала и говорила, что она бы ни в жисть на такое не решилась. Элинна, напротив, заявила, что я полная дура и имела все шансы отправиться к духам прямо из своей любимой аристократической академии. Добавила, что придется за мной следить, иначе буду и дальше влипать в подобные ситуации. Игры в молчанку, однако, прекратились, староста вновь фыркала на меня и язвила, а я втайне радовалась, что все стало как прежде.

Теперь, стоя у столь хорошо знакомой двери, я себя чувствовала далеко не лучшим образом. Ох, не к добру меня вызвали! Зря только надеялась, что выходка сойдет нам с рук, а Амир удовлетворится результатом и все простит. Он просто дождался подходящего момента и вызвал нас обоих. Эди уже был в кабинете, а мне приходилось ожидать своей очереди. Пальцы нервно сжали перила, когда позади отворилась дверь. Эдвар подошел ко мне и обнял за плечи.

— Ну, Летта, твой черед, он ждет.

— Что он тебе сделал? Кричал? Пытался задушить?

— Нет. Он снял меня с должности заместителя по учебной части. Теперь я рядовой преподаватель с кучей дополнительных занятий.

— О, мне очень жаль, что тебя понизили.

— Да ладно, я правда виноват. Удачи тебе. Пойду, пожалуй. Мне выдали столько заданий, что ближайший год я буду занят. До встречи.

— Всего хорошего, Эди.

Я проводила мужчину взглядом, оттягивая неприятный момент, а потом повернулась к двери. Как же я не хочу туда входить! Протянув руку, постучала, все еще надеясь, что мне велят отправляться куда подальше. Надежды не оправдались, а приглашение войти прозвучало как приговор.

— Добрый день, Виолетта.

— Добрый день, — ответила, не поднимая головы.

— Присаживайся.

— Спасибо.

Я прошла к дивану, села и уставилась на сложенные на коленях руки.

— Ну? — прозвучал насмешливый голос Амира.

— Что? — Я подняла голову и столкнулась с внимательным взглядом зеленых глаз. И вдруг подумалось: как хорошо, что кровная защита не оставляет побочных эффектов вроде медленного угасания, и теперь ректор выглядит таким же энергичным и полным сил, как раньше. А еще показалось, что его отношение ко мне тоже переменялось, стало почти таким, как прежде, до происшествия с Элизабет. Он снова подшучивал надо мной.

— Ну где же слова: «Простите, ректор Сенсарро, я больше так не буду»?

— Ректор Сенсарро... — Я замаялась, размышляя, как лучше продолжить.

— Не слишком обнадеживающее начало.

— Я не уверена...

— В чем?

Я замолчала, подбирая слова.

— Не уверена, что больше не будешь, я правильно понял?

— Ну, в целом...

— Хм, Виолетта, не припомню, чтобы раньше из тебя слова приходилось клещами тянуть.

— Ректор Сенсарро, я правда очень сожалею, что все так получилось. Однако как я могу давать какие-то обещания, если не уверена, что исполню их.

— Потому и хочу, чтобы ты пообещала, Виолетта, не соваться куда не следует.

— Могу пообещать, что постараюсь всесторонне взвешивать свои решения, прежде чем предпринимать активные действия, — проговорила я, тщательно подбирая слова.

— Постараться?

— Да.

Ректор побарабанил пальцами по столу, а я опустила взгляд на ковер, изучая замысловатый рисунок и пытаюсь понять, что он означает.

— Ладно, Летта. Хорошо. Старайся. До игр осталась неделя, ну а потом, как мы и договаривались, я верну тебя родителям.

В сердце что-то неприятно кольнуло.

— Не терпится избавиться от меня? — спросила и тут же прикусила язык, но слишком поздно.

Брови Амира насмешливо изогнулись, и ректор ответил:

— Уговор дороже денег. К тому же, по моему искреннему убеждению, они единственные люди, которым удавалось справляться с тобой все эти годы. Твои способности пугают меня, Летта. Ты сговорила с Эди за моей спиной! Я не уверен, что моих сил хватит вытаскивать тебя из всех переделок, в которые ты будешь попадать.

— А с чего вы решили, что я буду в них попадать? — Я возмущенно взглянула на серьезного ректора, в глазах которого плясали смешинки.

— Обычно люди, которые ощутили вкус свободы, пускаются во все тяжкие и непременно попадают в переделки.

— О какой свободе вы говорите?

— Я говорю о том, что в Академии аристократии видел перед собой благовоспитанную девушку, которая, прежде чем занять свое место, смахивала с него платочком пылинки, разговаривала исключительно благопристойными фразами, поучала всех вокруг и всячески берегла образ настоящей леди. А теперь ты сломя голову кидаешься во всевозможные авантюры, а скоро с твоей способностью влиять на людей начнешь тянуть за собой друзей и перевернешь все в моей академии с ног на голову. Виолетта, ты даже разговаривать стала иначе. Ты теперь дерзишь при каждом удобном случае и просто повергаешь меня в ужас.

И отчего такое чувство, что надо мной смеются? Вот опять я начинала злиться. Усомниться во мне подобным образом и выставить непонятно кем? У меня есть голова на плечах, и я вполне могу себя контролировать.

— А самое печальное, тебе нравятся эти авантюры, и ты ничего не боишься, — подвел итог Амир, будто ставя жирную точку в приговоре моему здравому смыслу.

— Вы не правы, — мягко возразила я, не желая признавать его правоту. — Я очень

испугалась в кабинете Анделино, но думала, что вы непременно что-нибудь придумаете.

— Я не прочь придумывать, как вытаскивать тебя из возможных неприятностей, но пускай лучше эти фантазии не пересекаются с реальностью и остаются лишь в моем воображении. В реальности вполне хватает академии с ее студентами. Для тебя же сейчас нет ничего увлекательней приключений, не так ли? Это наводит на мысли, что пора вернуть тебя родителям, иначе именно меня обвинят в том, что я развратил самую совершенную молодую леди в королевстве Амадин.

— Ну уж знаете ли! Я сама отвечаю за свои поступки, и у них всегда есть мотивы, это не блажь и не жажда приключений. Я взрослый человек, а не маленькая девочка! С чего вы думаете, будто мне нужен присмотр родителей? Не собираюсь больше слушать ничьих нравоучений! Не желаю заучивать наизусть дурацкие стихи, посещать смертельно скучные вечера с этими манерными куклами, а еще позволять запирают себя в комнате, потому что где-то оступилась и показала себя с дурной стороны! Насколько я помню, именно вы раньше упрекали меня в черствости, а теперь недовольны излишней эмоциональностью?

— Скорее порывистостью. Так ли необходимо бросаться из крайности в крайность?

— Я не бросаюсь!

Мне кажется, я даже раскраснелась от гнева. Амир же сцепил пальцы, положил на них подбородок и задумчиво меня разглядывал. Смутившись, расправила складки на платье и с особым вниманием принялась изучать дверцы шкафа. Кажется, он в чем-то прав. Куда исчезла моя сдержанность? Неужели испарилась, едва меня перестали поучать насчет каждого шага, взгляда или вздоха?

— Ну а как ты видишь свою дальнейшую жизнь? — негромко и, кажется, теперь уже серьезно спросил Амир.

Я, честно, не могла ему ответить. Раньше точно знала, какой будет моя жизнь. Полагала, что живу правильно, внушала себе, что довольна всем. Может, действительно ощутила себя свободной теперь, когда меня не сдерживал груз условностей. Я ведь и домой уже не слишком стремилась вернуться. Только сама не знала, как быть дальше. С родителями точно собиралась встретиться, а вот потом... с этим я пока не определилась.

— Я приму решение после состязаний и встречи с родителями.

— Как хочешь, Виолетта. Ты ведь взрослый человек, а не маленькая девочка, решай сама.

И снова он улыбался, а я неловко поерзала на диване.

— Я пойду?

— Сначала вот это возьми. — Амир протянул мне лист бумаги.

Я подошла и с опаской взяла его.

— Список отработок?!

— Да. На ближайший месяц.

— Как вы снисходительны ко мне! Эди на год вперед расписали.

— Не могу же я быть столь жесток по отношению к хрупкой девушке. Теперь иди, Летта.

Я вздохнула, пробежав глазами перечень заданий. Если на месяц, значит, он не планирует прогонять меня из академии сразу после окончания игр. Я даже улыбнулась.

— Попалось что-то интересное? — Амир с любопытством посмотрел на листок.

Я пожалала плечами и одарила ректора улыбкой.

— Скажите, что теперь будет с куратором Вальенте? Зор его вычислит, и что тогда?

— Не думаю. Я старательно замел следы.

— А как?

— Я установил на столе разрывной анемолит. В случае нашего благополучного ухода он должен был сработать и стереть следы. Зор не сможет узнать наверняка, кто проник в кабинет.

— Но он ведь заподозрит куратора? У вас был допуск в ректорский кабинет и в академию...

— Не заподозрит.

— Почему?

— Дня через три куратор тихо умрет в своей постели от сердечного приступа.

— Но как? Я думала, он пропадет без следа или исчезнет в результате несчастного случая.

— Нет, — покачал головой Амир. — Исчезновение наводит на подозрения.

— А вы умеете притворяться мертвым? Думаете, никто не определит, что вы живы?

— Нет, Летта, этого я не умею. Не настолько хорошо, чтобы обмануть целителей.

— Но как тогда?

— Какая ты любопытная.

— А вы не можете сказать?

— Могу.

— Так расскажите! — не отступалась я.

Амир рассмеялся, а потом откинулся в кресле и произнес:

— Амир Вальенте — мой дальний родственник. Он вел в последние годы очень замкнутый образ жизни. Ни с кем не общался, жил в своем доме недалеко от Арильских гор. Это днях в четырех от столицы. Я навещал его иногда. Наверное, я был единственным, кто не забыл про Амира, когда он стал слишком стар и немощен. Он был рад этим встречам, хотя старость изменила его, у него появились странные причуды. Старик сделался настоящим затворником, разогнал всех слуг, искренне считал, что они его обворовывают. Я поставил своего человека незаметно приглядывать за ним. Этот человек и сообщил о смерти Амира. В тот день я как раз приехал навестить старика. Все так совпало... впрочем, оно и к лучшему. Именно тогда мне пришла в голову идея воспользоваться личиной Амира Вальенте.

Я широко раскрыла глаза, с испугом глядя на ректора.

— Отчего ты так пугаешься, Виолетта? Для этого не нужно делать что-либо с телом покойного. Просто составить обычный иллюзорный эликсир. Ну, может быть, кинуть в него пару волосинок.

— Ох. — Я передернула плечами, а Амир только хмыкнул.

— Я поместил тело в склеп и наложил на него чары сегридации, чтобы все оставалось в том же виде, как и в момент смерти. Теперь, если мы перенесем его в дом, где якобы жил куратор Вальенте, и снимем заклинание, то при проверке, которую обычно проводят целители, выяснится, что старик умер от сердечного приступа несколько часов назад.

— Как вы ловко придумали! А как Вальенте оказался во дворце? Никто не удивился, что он вдруг вернулся к работе, хотя, по вашим словам, был затворником?

— Его позвал на работу один из дворцовых наставников. Они были друзьями в юности, а потом Вальенте неожиданно написал старому приятелю письмо. Ему вдруг захотелось поработать преподавателем. А маг он был опытный, так что...

— А зачем вам нужно было во дворец?

Амир усмехнулся:

— Сколько вопросов, Летта. Может, хватит откровений на сегодня, у тебя впереди очень много дел.

Я вздохнула, поняла, что ничего мне больше не расскажут, положила список в карман и, попрощавшись, вышла из кабинета.

— Это наши последние тренировки. Согласно правилам состязаний, на поле могут отправиться только десять человек. Пять участников и те, кто в случае удаления кого-то из них с поля могут заменить его. Все вы хороши в той области, в которой наиболее полно раскрываются ваши способности, и я выбрала пятерых лучших, достойных отстаивать честь виерской академии.

Я обвела взглядом молчаливых студентов, все ждали продолжения.

— Итак, основной состав: Арктур — сила и выносливость, тебе на замену пойдет Анжин. Давид — магические формулы, твоя замена — это Тенис. Линда — контроль над эмоциями, Стэс подменит тебя в случае непредвиденной ситуации. Энтони — скорость реакции. Тебе нужно будет подойти к ректору Сенсарро после занятия, он собирался дать дополнительную информацию. Истор, ты пойдешь вместе с ним. За генерирование защиты отвечает Чати, твоя замена — Эниса. На этом все, теперь можете идти отдыхать, набираться сил перед завтрашними соревнованиями. Вечером для всех общий сбор в библиотеке.

Студенты взяли свои вещи с лавок и потянулись к выходу, я тоже подхватила сумку, но стоило развернуться к дверям, как дорогу мне заступил Истор.

— Малышка, стой.

— Ист...

— Нет, дай мне сказать. Ты не определила меня в первый состав ни по выносливости, ни по реакции?

— Я планировала поставить тебя на реакцию, поскольку по силе ты уступаешь Арктуру, но ректор Сенсарро утвердил Энтони, когда я согласовывала с ним список кандидатур. Ему виднее, ты сам понимаешь.

— Значит, я — замена? Отлично! — Истор сжал губы, а потом отвернулся и вышел из зала, громко хлопнув дверью. Линда бросилась следом, а я дождалась, пока все покинут тренировочную, и только тогда отправилась к себе.

— Летта, правда, что Иста не взяли в основной состав? — спросила Элинна.

— Тебе Дин рассказал?

— Ага. Ист сам не свой, злится. Дин его успокаивает.

— Я здесь совершенно ни при чем. В ходе испытаний на последних тренировках Энтони опережал Истора на несколько секунд. В итоге Амир выбрал его.

— Амиру виднее. А Ист позлится и перестанет.

— Думаешь, на меня злится?

— На весь мир он зол. — Элинна махнула рукой. — Пошли на ужин. Со всеми этими состязаниями у половины студентов аппетит пропал.

— Зато у тебя увеличился. — Я указала рукой на пару булочек, которые староста принесла в комнату после обеда.

— У меня всегда так, когда я переживаю. Эй, Мел, хватит зубрить, ты уже одна из лучших в своей группе, для кого стараешься?

— Ни для кого, — ответила Мелинда, но вспыхнувший на щеках румянец вызвал у меня некоторые подозрения. Так-так, кажется, я что-то упустила из виду, а Элька, как всегда, в курсе.

— Пошли! Хорош уже учиться.

Глава 2

Последствия

Когда мы устроились за своим любимым столиком, который занимали уже пятером (Дин теперь сидел рядом с Истором, напротив Элинны), парней еще не было. Я окинула столовую взглядом, полагая, что Ист вполне мог сильно обидеться и выбрать другое место. Посмотрев вправо, обнаружила Линду с подругами. Девушка хмуро ковыряла вилкой в тарелке. Наверное, ее попытка утешить Истора не увенчалась успехом. Впрочем, мне и самой кусок в горло не лез.

— Летка, что не ешь? Завтра силы всем понадобятся, — окликнула меня староста.

— Не знаю.

— Боишься? — спросила Мелинда.

— Нет, это участникам сейчас страшно, а я просто наблюдатель, только нервничаю немного.

— Привет. — К столику подошла однокурсница Мелинды и протянула той небольшой сверток. — Опять в доставке перепутали. Это тебе из дома прислали, а мне вручили.

— Спасибо, Мелисса.

— Не за что. Вечно они наши имена путают!

— Что там? — с любопытством спросила староста, когда Мелинда развязала тонкую бечевку.

— Капли.

— Какие капли?

— Тетка делает. Эти вот — если голова вдруг заболит, эти успокаивают, когда сильно нервничаешь, вот снадобье для сна крепкого, здесь еще для памяти и бодрости.

— Ну-ка, дай те, для памяти, посмотреть. Правда помогают? — Элинна протянула руку.

— А то. На травах настояны. Вот, Виолетта, тебе как раз пригодятся, чтобы волнение унять. — Мелинда подала мне темно-зеленый пузырек. — Накапай в чай каплю пять, не больше. Уж больно они горькие.

— Спасибо, Мелинда, — я взяла протянутый флакон и оглядела его с опаской, — но я не слишком доверяю народным средствам.

— Ну и зря, Саина хорошие капли готовит. Плохо, что горькие.

Я открыла крышечку и понюхала. Пахло травами.

— Что-то парней нет, — протянула староста, поглядывая по сторонам. — О, Селена!

Привет.

Элинна замахала рукой, и я увидела проходящую неподалеку Селену с подносом в руках. Она замедлила шаг, а потом остановилась в нерешительности.

— Привет.

— Садись к нам.

— Я бы с радостью, но меня там ждут. — Селена кивнула головой в сторону другого столика.

— Да? Ну ладно. Но с нами интересней.

Девушка улыбнулась и пошла дальше.

— Летка, а вы с Селеной не ладили, пока у аристократов учились?

— Ладили. Только потом разошлись, когда... наши мнения не совпали насчет одного из преподавателей.

— О, интересно! Расскажи!

— Мм...

— Привет, девчонки! — Радостный Дин внезапно возник у столика и занял место рядом с Элинной.

— Привет, — заулыбалась староста. — Что веселый такой?

— А чего грустить? — раздался позади меня голос Истора. — Сладкая, как настроение?

— А? Хорошо. — Я обернулась к сияющему парню, который разглядывал меня с чересчур веселым выражением лица, а в глазах так и плескался азарт.

Истор вдруг устроился на скамье рядом и обнял меня за плечи, притягивая к себе. На меня повеяло слабым запахом алкоголя.

— Ты пил, Ист? Завтра ведь игры!

— Да мы с Дином по паре стаканчиков пропустили, — отмахнулся парень.

— Откуда у вас вино? — строго спросила староста, недовольно поглядывая на Дина.

— Чтоб горло промочить, отчитываться нужно? Здесь же не казармы, а академия. Или ты, Элька, нянькой заделалась? — Ист дернул девушку за рыжую прядь.

Элинна обиженно насупилась, а я попыталась снять с плеча тяжелую руку, ощущая себя крайне неловко. Одно дело, когда он проявлял знаки внимания наедине, во время тренировок, и совсем другое, если делал это прилюдно в столовой, где в это время ужинали и преподаватели.

— Ист, отпусти!

— Что ты так нервничаешь, малышка? Не можешь утешить немного?

— Тебя Линда не утешила?

— Она пыталась, но ты ведь лучше.

У меня даже щеки покраснели от такого сомнительного комплимента.

— Ист, убери руку!

— Конфетка, у тебя сердце каменное, — проговорил парень, прижимая меня еще теснее.

— Если верить куратору Вальенте, вместо сердца у меня амарил, так что ты недалек от истины. Отпусти сейчас же!

— Отпустил! — заявил Истор, выпуская из захвата мое плечо, но совершенно неожиданно схватил меня за талию и перетащил к себе на колени.

Я задохнулась на миг от возмущения, а Истор положил руки на стол, поймав меня в капкан.

— Все, не держу. Эй, Дин, передай мне стакан с водой, что-то после вина пить охота, — как ни в чем не бывало обратился он к другу.

— Истор! — зашипела я, поймав взгляды нескольких студентов. — Убери руки немедленно, а то пожалеешь.

Ист будто не слышал, не спеша потягивая воду из стакана.

— Малышка, а что ты пьешь? Сок? — Он потянулся к моему стакану.

У меня же внутри все кипело от бешенства. Если начну сейчас кричать, вырваться и колотить Истора, все вокруг просто взорвутся от смеха. Еще и поспорят друг с другом, укротит ли противный виер зазнайку-аристократку. Я кинула взгляд в сторону преподавателей, но те на нас не смотрели, занятые ужином и разговорами о предстоящих

состязаниях. Может, привлечь их внимание? Одной с пьяным Истом явно не совладать, особенно если он решит меня не отпускать.

— Ист, кончай дурачиться, — велела Элинна, ударив Истора по руке.

— А не хочу, — нагло заявил тот, отставил мой стакан и снова дернул старосту за волосы.

Я вдруг заметила зеленую бутылочку на столе. Кажется, кому-то здесь не помешает успокоиться. Незаметно схватив пузырек, отлила немного в сок. Пей теперь, надеюсь, эти капли достаточно горькие. Ист, который как раз закончил дразнить Элинну, снова потянулся за стаканом и сделал большой глоток. В следующий миг он скривился, а потом вдруг лицо его посерело, глаза закатились, и он свалился со скамьи, утянув меня за собой.

— Ист! — Я распласталась поверх парня, в испуге заглядывая ему в лицо. Его тело вдруг забилося в конвульсиях, а на губах выступила пена.

— Истор! — заорал подскочивший со скамьи Дин.

— Помогите! — закричала Элинна.

А в следующий миг меня резко дернули вверх, поставив на ноги, а рядом с Истом опустился Амир и провел над его лицом ладонью, отчего оно будто окаменело, а сам парень вытянулся в струнку и замер.

— Эди, Дин, несите его в лазарет. Живо!

Мужчины подхватили Истора с двух сторон и помчались на выход. Амир же развернулся ко мне:

— Твоя работа? Что ты сделала?

Я непонимающе глядела на него, все еще не придя в себя после шока.

— Элинна? Что она сделала?

— Я не видела.

— Я капли в сок добавила, — прошептала я.

— Элинна, возьми стакан. Идите за мной. — Амир быстро устремился к двери, а мы кинулись вдогонку, едва поспевая за его стремительным шагом.

До лазарета добрались в рекордное время. Истора уже уложили на кушетку, а рядом сидела Диана.

— Что с ним? — спросил Амир.

— Не могу понять. Ты его подверг заклинанию заморозки?

— Да. Единственное, что мог сделать в тот момент. У тебя минуты три на диагностику, дольше держать его в таком состоянии нельзя. Элинна, стакан.

Эля протянула ректору стакан, а он начертил на нем какую-то неизвестную формулу, символы которой вдруг замерцали разными цветами.

— В составе травы, — обратился к Диане Амир, указывая той на знаки.

— Травяной успокаивающий настой. Сочетание этих трав в целом безопасно, но среди них есть лепракос — слабоядовитое растение. Что-то из выпитого Истором усилило эффект от ядовитых составляющих, это привело к отравлению. Девушки, что он еще пил сегодня?

— Вино, — тут же ответила Элинна.

Я же промолчала, не в силах отвести взгляд от неподвижного парня.

— Какое?

— Дин, какое вино вы пили?

— Не знаю. Ист притащил бутылку, мы и распили на пару. Опьянели немного, только и всего.

— Этот знак странно мерцает, — сказал вдруг Амир, очерчивая один из символов, хотя я не видела абсолютно ничего ни в самих знаках, ни в их мерцании.

— Возможно, реакция от смеси настоя с соком. Сейчас нет времени проводить детальный анализ. Отравление слишком сильное, к тому же в крови алкоголь, а это еще хуже. Он может снизить эффективность противоядия. Мне придется действовать наугад, но результат плохо предсказуем.

— Насколько плохо? — не выдержала я.

Диана не ответила, опуская глаза.

Тут дверь в лазарет вновь распахнулась и в комнату ворвалась Линда.

— Что с ним?! — Девушка бросилась к Истору, но Эди перехватил ее на полпути, а Амир коротко велел выйти всем, кроме меня. Эди передал упирающуюся Линду Дину и закрыл дверь.

— Диана, действуй, осталось меньше минуты.

Целительница бросилась к шкафу и вытащила из него шприц, жестяную коробку и ампулу с зеленым раствором.

— Открой ему рот, Амир.

Ректор быстро исполнил просьбу, а я вдруг отчетливо вспомнила тот момент, когда сама помогала целительнице лечить ректора.

Насыпав на язык Иста коричневый порошок, Диана набрала в шприц лекарство и сделала укол.

— Без магии, Ди? — уточнил Эдвар.

— Боюсь, ускорение процесса ему навредит. Здесь не все так просто. Нужно обезопасить яд, а потом вывести из организма. Надеюсь, он не успел вступить в реакцию с клетками.

— Снимаю заклинание. — Амир склонился к Истору и вновь провел над его лицом ладонью. В следующий миг парень опять затрясся, потом вдруг согнулся пополам и вновь упал на кушетку, лишившись сознания.

— Выживет? — спросил ректор.

— Ждать нужно, я пока не могу сказать.

— Как долго ждать?

— Сутки.

— Но почему? — Я не выдержала и схватила Диану за руку. — Как мог обычный успокаивающий настой подействовать подобным образом?

— Состав его не самый обычный, Виолетта. Желательно такие вещи ни с чем не смешивать.

— Но я правда не хотела, я даже не думала...

— Всем известно, Виолетта, что порой ты не затрудняешь себя размышлениями о последствиях своих поступков, — сказал Амир резко.

— Я не специально! — крикнула я, а Эди ухватил меня за руку:

— Успокойся. Пойдем, сейчас мы ему ничем не поможем.

— Амир! — Я рванулась к отвернувшемуся ректору, а Эди дернул меня обратно, прошипев на ухо:

— Не трогай его сейчас.

— Я не хотела навредить! Я пыталась лишь проучить его, чтобы не приставал, а он не слушал.

— Ты избалованная и капризная девчонка, привыкшая, чтобы каждому твоему слову мгновенно повиновались! — резко ответил Амир. — Захотела проучить, но решила действовать исподтишка! Почему не попросила никого о помощи? Решила обойтись собственными силами, но не задумалась о последствиях? Неужели нет иных способов избавляться от назойливых поклонников, Виолетта? Что для тебя важнее, скандал или человеческая жизнь? — Ректор вдруг замолчал, а потом велел Эди: — Выведи ее и проследи, чтобы Дин с Линдой не причинили ей вреда.

Эди крепко схватил меня за руку и вытащил за дверь. Едва мы вышли, как ко мне бросилась Линда.

— Тварь! Ты убила его!

Я даже не успела отреагировать, а Эдвар уже отправил Линду в бессознательное состояние.

— Дин, она очнется, когда мы уйдем. Отведешь в общежитие.

Дин кивнул, не отрывая от меня колючего взгляда. Элинна подбежала с другой стороны, схватила меня за руку, и мы втроем — она, Эдвар и я вышли на улицу, чтобы пройти до главного здания через сад.

— Летта, ну зачем ты полезла? — укорял меня по дороге преподаватель. — Когда Амир злится, его вообще лучше не трогать, я ведь тебя предупредил.

— Эди, он меня ненавидит.

— Послушай, не в этом дело. Ты ведь понимаешь, что не единственная студентка в этой академии, а он за вас отвечает. Тому, кто стоит во главе, всегда тяжелее приходится. Он не может быть всегда и везде, и, чтобы решить любой вопрос, нужно приложить усилия, это ведь не происходит само собой, по щелчку пальцев. Амир не в состоянии вникать в детали личной жизни каждого и при этом решать вопросы, связанные с учебой, организацией, жизнью академии. Если у тебя с Истором возникли проблемы, если он приставал к тебе, почему ты раньше не подошла? Да стоило сказать мне, и вопрос был бы уже решен.

— Эти приставания оставались на уровне заигрываний, больше напоминали шутку, и стоило мне только сказать, как он тотчас же прекращал. Я не видела смысла идти жаловаться. Это только сегодня Истор повел себя слишком нагло.

— Нужно было сказать Элинне или Мелинде, они бы подали мне знак, а я б его за уши оттащала. У нас в академии не поощряется подобное поведение. Он за это и вылететь может, только бы очнулся сперва.

— Я не хотела поднимать скандал на виду у всех.

— Слушай, вот тут я соглашусь с Амиром. Что для тебя важнее, Летта, скандал или человеческая жизнь?

— Как можно ставить вопрос подобным образом? Ведь я не знала, что капли вредны!

— Вопрос ставится подобным образом, потому что ты даже не потрудились узнать. Подлила их тайком, будучи не в курсе, что это за настой. Не разбираешься в травах и каплях, а даешь их пьяному человеку. Знаешь, я много случаев наблюдал, когда ради соблюдения внешних приличий людям портили жизнь. Сегодняшнее происшествие тоже может послужить примером. Я полагал, тебе плевать на мнение виеров, что они там себе подумают, тем более повода ты не давала.

— Но как можно кричать на всю столовую, как можно...

— Зачем кричать? Я уже сказал, как нужно было поступить. А с травами шутки плохи, мы у Мелинды заберем все эти ее подарки от тетки.

— Она говорила, что капли безопасны, — вставила слово Элинна.

— Они-то безопасны, а вот случай — штука очень опасная, — парировал Эдвар.

— Амир теперь презирует меня, Эди.

— Глупости. Я видел людей, к которым Амир относился подобным образом, и поверь, он попросту не тратил на них свое время, прекращая всякое общение. С тобой все иначе, хотя у тебя прекрасно получается выводить его из себя.

— Мне казалось, что мы поладили в последнее время, но я ошиблась.

— Не нужно было лезть к нему, и он бы тебя не отчитал.

— Но ведь ты не кричишь на меня.

— Я не несу ответственность за чужие жизни.

Я промолчала. Этого вопроса не хотелось касаться, проще было отвлекать себя разговорами о других вещах, чем думать о состоянии Истора. Я очень сильно боялась, что он не очнется.

— Истор справится, — сказала вдруг Элинна, пожав мою руку, — он сильный. А сегодня произошел несчастный случай, просто стечение обстоятельств.

— К сожалению, моя вина в этом есть. Надо было пресечь пристаивания Иста раньше, тогда не сложилась бы подобная ситуация. Мне правда казалось, что это больше напоминает игру, чем серьезное увлечение. А эта ситуация с отбором и алкоголь... он просто выпустил чувства из-под контроля.

— Я давно поняла, что ты ему очень нравишься. Ужасно, как все сложилось, но сейчас мы ничего поделать не сможем.

Это была самая тягостная и долгая ночь, в продолжение которой я так и не смогла сомкнуть глаз. Стоило прикрыть веки, как перед внутренним взором возникало лицо Истора в тот момент, когда он выпил капли. Ближе к утру ко мне на кровать присела Мелинда.

— Не мучай себя, это случайность. — Она погладила меня по волосам.

— Никогда больше не буду так поступать. Я на самом деле испорченная, привыкла действовать тайком.

— Ты ведь исправляешься, а это главное.

— Как он там, Мелинда?

— До состязаний не узнаем. Ты поедешь или останешься в академии?

— Поедет она, нам еще Зору нос утереть нужно, — раздался с кровати голос Элинны. — Что ей тут сидеть и в одиночку страдать? Истор до вечера точно в себя не придет, Диана говорила — сутки.

— Надо хотя бы попробовать поспать, Летта.

— Дай мне своих капель, Мелинда.

— Эдвар все забрал, а я после этого случая и вовсе боюсь их использовать, даже тете написала, чтобы не присылала больше.

Я только вздохнула и закрыла глаза, чтобы еще раз попытаться уснуть.

— Эй, куда? Первый курс садится вон в те повозки, а кто поедет на лошадях, вставайте с того краю. Не толпитесь на крыльце, спускайтесь вниз, будете садиться по очереди. — Ожесточенно жестикулируя, Элинна раздавала указания толпе студентов.

— Эль, а участники где?

— Они отдельно поедут, в открытом экипаже, ректор и я с ними, давай тоже с нами? Тренеры могут ехать вместе с командой. Может, наставления какие-нибудь дашь напоследок.

— Нет, я лучше в повозке.

— Не трусь, все равно придется с ним встретиться. Не сейчас, так на поле.

— Элинна, преподавателям какие места занимать? — раздался голос Эди, который только что вышел на крыльцо и остановился рядом с нами, поглядывая на толпу гомонящих студентов.

— Вот список, кто какую группу курирует. Здесь также места расчерчены, которые каждый займет на трибунах. Вы за этот сектор отвечаете, а повозка третья.

— Ладно, пошел, увидимся на играх. — Эди спустился на одну ступеньку, заметил посторонившуюся Мелинду и спросил: — Ты с кем едешь?

— В вашей повозке. — Девушка смущенно опустила глаза.

— Тогда пошли. Летга, крепись. — Он махнул мне на прощанье и сбежал вниз по лестнице.

— Летга, идем. Вон наш экипаж стоит. Проклятье! Линда уже там. Давай подождем, пока остальные усядутся.

— Элинна!

Я подпрыгнула на месте, услышав позади голос ректора.

— Да, ректор Сенсарро? — Староста быстро развернулась, незаметно оттесняя меня в сторонку.

Кажется, ее маневр от Амира не укрылся, а только привлек ко мне внимание. Мужчина окинул меня тяжелым взглядом, но ничего не сказал.

— Участники уже собрались?

— Трех человек нет.

— Замена?

— Они поедут вместе со всеми, а уже на месте пройдут с нами в шатер.

— Хорошо. — Амир кивнул и тут же обратился ко мне: — Виолетта...

— Да, ректор Сенсарро? — Я попыталась, чтобы голос прозвучал как можно тверже.

— Замену Истору нашла?

— Да. Лика согласилась выступать, если Энтони вдруг не сможет.

Амир кивнул, посмотрел на устроившихся в повозках студентов и махнул рукой возницам. Телеги медленно потянулись по дороге к воротам академии, а мы спустились по ступенькам и подошли к экипажу. Честно говоря, я такой видела впервые. Он был сдвоенный — состоял из двух открытых колясок, соединенных между собой. Двухместные скамьи располагались друг напротив друга. Линда сидела в той коляске, в которую были впряжены лошади, а мы с Элинной и ректором подошли ко второй. Амир помог старосте забраться внутрь, потом подал руку мне. Несмотря на растерянность, я приняла его помощь совершенно невозмутимо, спокойно устроившись на сиденье. Ректор сел рядом, а Эля напротив. Я довольно сильно нервничала в его присутствии, потому что не знала, как вести себя после вчерашнего происшествия. Постаралась отвлечься на старосту, выглядывающую на крыльце припозднившихся участников.

— Вон они, — с облегчением в голосе сказала девушка, когда трое студентов выбежали из дверей академии. Двое быстро подошли к первой коляске, а Лика забралась в нашу и плюхнулась на сиденье рядом с Элинной. Я бы с удовольствием поменялась с ней местами. Сидеть слишком близко к ректору значило еще острее ощущать собственную вину, тем более что напротив находилась Лика, а не Истор.

Едва все устроились, как коляски тронулись в путь. Я отвернула голову, рассматривая

проплывавшие мимо деревья и кусая губы от волнения. Никто не произносил ни слова, все нервничали и были слишком сосредоточены. Не зная, чем занять руки, взялась за застежку браслета, расстегнула, а после снова застегнула. Я проделывала это до тех пор, пока коляска не подскочила на кочке, а браслет не свалился с руки. Я резко склонилась, пытаюсь поймать его, и угодила прямо в руки Амира, поймавшего меня.

— Виолетта? — вопросительно посмотрел на меня ректор, усаживая обратно на сиденье и выпуская из крепкого захвата.

— Браслет уронила, — ответила я, выпрямляясь и немного отодвигаясь от него, все еще ощущая прикосновение сильных рук к своей талии. Браслет укатился под сиденье напротив, а ректор сдержанно проговорил:

— Остановимся, тогда и достанешь. — Выдержав паузу, он спросил: — Ничего не хочешь сказать участникам?

Я попыталась собраться, взять себя в руки, прокрутила в голове все советы, которые могла бы дать, а потом немного повысила голос, привлекая внимание и тех, кто сидел впереди.

— Игроки! Ваши соперники из аристократической академии приложат сегодня все силы ради победы, поскольку два года назад именно вы одержали верх. На вашем месте при выполнении заданий я бы выбросила из головы все посторонние мысли и не думала о том, что произойдет в случае проигрыша. Сосредоточьтесь на решении задачи, на том, что умеете делать лучше прочих студентов. Помните, почему вас отобрали в команду. Вы уже освоили все необходимое в ходе тренировок, и пусть задания никогда не повторяются, но общий принцип тот же, а значит, у вас все получится.

Студенты молчали и внимательно вслушивались в мои слова. Я понимала, как сильно они сейчас волнуются, но не видела смысла давить на них еще больше, напоминать, что выиграет или проиграет академия, зависит только от них. Думаю, ректор был со мной абсолютно согласен, потому что когда я замолчала, он продолжил:

— Не забудьте, что состязания — лишь дополнительный шанс устроить вашу жизнь, но он вовсе не единственный. И еще один момент, студенты: перед началом соревнований вы будете находиться вместе в шатре. Там есть все необходимое, а потому не берите и не покупайте ничего, что могут предложить посторонние. Полагаю, соперники попытаются вывести из строя хотя бы одного из наших игроков, будьте предельно собраны и внимательны. И удачи всем вам!

Глава 3

Состязания академий

Я мерила шатер шагами, расхаживая из угла в угол. Участники тихо переговаривались, Элинна с Амиром обсуждали последние приготовления, а я только путалась под ногами. Может, и правда стоило остаться в академии и сидеть в лазарете возле Истора, а не ехать на игры. Пока мы шли к шатру, я успела увидеть трибуны и места для высшей аристократии. А на них уже сидели те, с кем я не встречалась последние полгода: Эрин и мои родители. Настроение скатилось в пропасть, я нервничала и готова была взорваться, подобно надувному шарик, к которому поднесли острую иглу.

Я вновь отодвинула закрывавший вход полог и выглянула наружу, чтобы бросить еще один взгляд на трибуны. Самый центр занимали король и придворные, включая Эрина, а родители сидели рядом с ним. Они ведь даже не знают, что я здесь, а может, догадываются? Я вновь отпрянула назад, обняла себя руками и подскочила на месте, когда на плечо легла чья-то ладонь.

— Летка, — позвала Элинна, — что ты так нервничаешь? Перепугаешь всех участников, а ну быстро успокойся, прямо сама на себя не похожа.

— Ты абсолютно права, я возьму себя в руки. Просто там родители, а еще Эрин.

— Ну и что с того? Они ведь не бегут к тебе с криками и упреками.

— Они, похоже, совершенно забыли о моем существовании. Пришли спокойно на состязания, будто в их жизни ничего не изменилось и все как прежде.

— Ничего удивительного. Ты разве не была к этому готова? Они ведь тебе ни разу не написали за эти полгода.

— И даже не ответили ни на одно из тех писем, что отправила им я.

— Мы исправим эту ситуацию, Виолетта, — сказал вдруг неслышно подошедший со спины Амир. — Сегодня же, после игр.

— А что сегодня? — тут же поинтересовалась Элинна.

— Ничего, — отмахнулась я от любопытной старосты. — Иди, тебя Арктур зовет.

Элинна тут же побежала к участнику, а я развернулась к Амиру:

— Сразу после игр отвезете меня домой?

— Да, — бесстрастно ответил ректор.

— А если мы победим, я не смогу даже разделить со всеми радость победы?

— Сможешь, если захочешь.

Я промолчала, а в следующий миг вздрогнула, когда снаружи раздался рев фанфар.

— Началось? — спросила у Амира, подавляя сильнейшее желание вцепиться во что-нибудь более надежное, чем мои подрагивающие плечи.

— Да. — Ректор сделал знак участникам, откинул полог и прошел наружу.

Команда вышла на поле, а я выглянула последней, не решаясь отправиться следом. Огромный парящий экран показывал все события, увеличивая в несколько раз лица участников. Обе команды выстроились друг напротив друга, во главе встали ректоры академий со своими старостами.

Согласно обычаю, Зор и Амир должны были обменяться рукопожатием, однако Анделино не спешил навстречу шагнувшему вперед сопернику, демонстрируя полнейшее

пренебрежение к традициям состязаний. Амир в ответ лишь улыбнулся и что-то сказал, отчего Зор плотнее сжал губы. Экран в это время приблизил их лица, а над полем прозвучали слова ведущего, усиленные магическим заклинанием:

— Поприветствуем ректоров двух лучших академий королевства: Зор Анделино!

Зор сдержанно кивнул, получив в ответ громкие аплодисменты своих аристократических болельщиков.

— Амиральд Сенсарро!

Наш ректор отвесил поклон трибунам, заслужив радостный рев виеров и недовольный гул со стороны аристократов.

— А теперь представление академий!

Зор наклонил голову и отступил на шаг, подавая Амиру знак начать первым. Амиральд развернулся лицом к центру поля и взмахнул обеими руками: земля вдруг задрожала, на трибунах послышались испуганные возгласы, и у всех на глазах, разрывая покрытую зеленой травкой почву, прорвался наружу огромный побег и устремился ввысь к солнцу. Он был невероятно большой и все рос и рос, а по бокам появлялись серебряные листочки и на макушке наливался белоснежный бутон. Едва развернулся последний лист, как побег замер, а лепестки бутона медленно раскрылись, являя восторженным зрителям прекрасный снежный цветок — символ виерской академии. Чистое голубое небо вдруг заволокло тучами, словно в пасмурный день, и в окутавшей поле серой мгле цветок замерцал серебряным светом, а трибуны разразились восторженными ахами и охами, и даже аристократы захлопали.

Амир еще не завершил свое представление, как в дело вступил Зор. По его мановению с неба на поле спикировала огненная птица, являющаяся символом аристократической академии. Она была огромной и не уступала размерами иллюзорному цветку. Воздух прорезал пронзительный крик. Перья горели ярким огнем, затмившим серебряное мерцание цветка.

Птица сделала круг над трибунами, и вокруг снова раздались испуганные возгласы. Даже я не сдержала изумленного восклицания, настолько реально выглядело это иллюзорное создание, вплоть до мельчайших огненных волосков, от которых, казалось, исходил настоящий жар.

Широкие крылья подняли ветер, примявший траву на поле, и только цветок даже не покачнулся. В следующую секунду птица схватила цепкими когтями нежный зеленый побег, вырывая его из земли, и воспарила в небо.

Меня до глубины души возмутило подобное кощунство, потому что чудесное растение было слишком прекрасно. Я видела улыбку на лице Зора и слышала раздавшийся на трибунах смех аристократов, а также недовольный ропот со стороны виеров.

Однако почти сразу ропот сменился громогласным хохотом, когда из нежного стебля неожиданно выросли острые шипы, а огненная птица с криком выпустила цветок, поджимая окровавленные лапы, ринулась обратно в небеса и затерялась среди облаков. Цветок полетел вниз к земле и рассыпался миллиардом сверкающих снежинок, упавших на поле и устлавших его снежным ковром.

Секунду спустя иллюзия растаяла, и солнечный свет вновь показался из рассеявшихся туч, а трибуны громко зааплодировали. На этом представление команд закончилось. Я негромко вздохнула, поражаясь сложности представленной нам иллюзорной магии и мастерству исполнения обоих создателей, вплоть до натурального поведения иллюзорного пернатого и превращению нежного цветка в снежинки. Когда уровень достаточно высок,

мираж обретает собственную жизнь и волю, хоть и на короткий промежуток времени, а мгновенное преобразование одной иллюзии в другую требует детальной проработки и виртуозной техники. Мне бы очень хотелось так уметь.

— Участники команд, займите ваши места! — раздался голос ведущего.

Пятеро виеров прошли на очерченные сектора с правой стороны поля, а аристократы заняли свои на левой половине. Мне они были хорошо знакомы — Дерил Маквил, Элизар Тервудс, Лиза Эрвуд, Грин Тинкерелло и Гир Освальд. Все те, кто был отобран еще во времена, когда я исполняла обязанности старосты Академии аристократии. А вот капитаном Грина выбрали уже без меня. Именно на его груди переливался синий капитанский значок, а сам парень уверенно прошел вперед в главный сектор.

Ректоры шагнули на квадратные возвышения, а старосты встали рядом, и по сигналу платформы взметнулись вверх. На трибунах воцарилась тишина, состязания начались.

Перед капитанами команд появились первые таблички. Я наблюдала за происходящим на парившем в воздухе экране. Стоило, наверное, подняться на трибуны, но я осталась с охранявшими шатер представителями нашей академии и запасными игроками. Студенты рядом со мной даже дыхание затаили, читая название первого состязания: «Топь».

Дальше Грин повернулся к своим и махнул рукой Дерилу. Я вспомнила, как превосходно Дерил и Элизар справились с первым состязанием во время отбора, а значит, топь — это испытание на построение защиты. Во время последующих тренировок именно Элизар проявил потрясающую выдержку, и его поставили на испытание контроля над эмоциями. Я перевела взгляд на Арктура, который тоже обернулся к участникам. Таблички возникли перед каждым игроком. Арктур показал условный знак Чати, и девушка приложила ладонь к темно-зеленой полупрозрачной поверхности. Звук сигнала — и имена испытуемых загорелись на экране, а вокруг участников выросли полупрозрачные грани куба.

Я даже немного пожалела, что не поднялась на трибуну, с высоты которой могла бы все разглядеть. Сквозь грани очертания расплывались, а экран казался черным. В это время изображение изменилось, и я наконец различила фигуры, подсвеченные магией. Вокруг них царилась ночь, а впереди мерцали блуждающие огоньки. Луна освещала болото, трясину, кочки и другой берег, куда нужно было добраться, чтобы справиться с заданием.

Я переживала за Чати, которая, сделав осторожный шаг вперед, внезапно покачнулась и быстро отступила на прежнее место. Впереди не было твердой почвы, а девушка должна была пройти по болоту до другого берега. Для этого требовалось применить особую сложную защиту. Судя по тому, что участница едва не оказалась в трясине, простое уплотнение водной структуры под ногами не сработало. Я предположила, что топь попросту засасывала более плотные объекты, вне зависимости от того, созданы они магией или нет.

Дерил в это время совершил прыжок вперед, покачнувшись немного, выбросив руки в стороны, но устоял. Сообразительный! Прыгнул на кочку, вот только следующая оказалась слишком далеко, и парень замер на месте. Чати вдруг выставила вперед ладони, поднялась на цыпочки и побежала. Под ее ногами вспыхивали разноцветные круги. Умница! Применила заклинание террено и заколдовала ряску на поверхности воды. Все верно, раз не работает магия инородных объектов, нужно использовать только то, что родственно болотной среде. На долю секунды уплотненные зеленые участки удерживали легкую как перышко девушку на поверхности, этим Чати и воспользовалась. Один минус был у данной формы защиты — она требовала слишком много сил... Стоило мне так подумать, как девушка совершила еще один прыжок, и ее нога подвернулась. Я выдохнула, закрывая рот руками, с ужасом ожидая, что

сейчас участницу утянет в трясины, но оказалось, Чати прыгнула на кочку и теперь едва удержалась на месте, балансируя на одной ноге.

Дерил тоже не терял времени, пока соперница преодолевала свой путь по болоту, он все это время формировал защиту, повторяющую структуру кочек. Очень умно, не придерешься. Хотя он на самом деле талантливый маг, с сильным защитным даром. Сообразил, что раз кочки растут на болоте, то и созданная структура сможет выдержать вес его далеко не шуплого тела. Дерил создал свои кочки на некотором расстоянии, чтобы они перемежались с существующими. Оттолкнувшись ногами от земли, он прыгнул на первый болотный выплавок и так двигался дальше, направляясь к противоположному берегу. Благодаря хорошо рассчитанному пути и настоящим твердым островкам, чередовавшимся с искусственными, защита не тянула из парня уйму сил.

Когда Дерику осталось преодолеть треть пути до цели, Чати обрела равновесие и опять протянула ладони вперед. У нее уже не было выбора и времени на раздумья; чтобы опередить соперника, приходилось воспользоваться прежним методом. Девушка вновь побежала по воде, а я сжала пальцы со всей силы, прекрасно представляя, как ей должно быть плохо сейчас, когда вся энергия уходит на одно из самых затратных заклинаний. Про Дерила я даже не вспоминала, не отрывая взгляда от Чати. В тот миг, когда соперники приблизились к заветной цели, экран показал их обоих, и секунду спустя они прыгнули на берег. Девушка свалилась без чувств, а парень упал на колени и не смог подняться. Грани растаяли, и на поле появились целители, они подбежали к участникам и унесли их в отдельно стоящую белую палатку. Голос ведущего привлек мое внимание.

— Итак, победа в первом конкурсе достается... — он выдержал паузу, а экран в это время вновь показал финальный прыжок Чати и Дерила, — Академии аристократии!

— Опередил на долю секунды, — выдохнула рядом Эниса, остальные ее слова заглушил гром аплодисментов с трибун аристократов.

Я с досады прикусила губу, посмотрев на довольного Грина, перед которым появилась новая табличка: «Бег».

Капитаны обеих команд замерли в замешательстве, а я задумалась, что это за испытание. Кажется, мы с Арктуром одновременно догадались: на выносливость и силу. Капитан виеров поднес ладонь к табличке, а у аристократов то же самое сделал Гир. Оба в тот же миг оказались внутри прозрачных граней, а вокруг испытуемых выросла непролазная чаща с колючими кустарниками и небольшой петляющей тропинкой. Интересно, как же долго им придется бежать? Ведь это для нас куб выглядит, как огороженное пространство определенного размера, а для них — это лес и тропинка, петляющая до тех пор, пока участник не преодолеет положенный участок пути.

Я видела, как парни встали на изготовку, пригнулись и по слышимому только им сигналу бросились вперед. Сложно даже представить, каково им было бежать по узкой дорожке, стараясь не оступиться и не упасть в унизанные острыми шипами кустарники, не сбавляя при этом скорости. На пути вдруг появилось поваленное дерево, и не ожидавший этого Арктур едва успел совершить прыжок, перелетел через ствол и с трудом удержался на ногах. Гиру этот маневр удался лучше, да и сам аристократ выглядел более гибким и подвижным, в отличие от нашего гиганта.

Бег продолжился, теперь Арктур был настороже, и, когда впереди возникла расщелина, он не замедлил шага, а ловко уцепившись за свисавшую с дерева лиану, перепрыгнул ловушку. Из-за заминки с деревом виер отставал от аристократа. Сцепив пальцы и затаив

дыхание, я не отрывала взгляда от экрана.

На пути бегунов возник огромный валун. Я видела, как Гир попытался вскарабкаться на гладкий камень, но соскользнул вниз. Тогда парень схватил свой эсканилор, применяя заклинание перемещения предметов. Испарина выступила у него на лбу, потому что валун оказался заколдован, и на его перемещение потребовалось очень много сил. Арктур в этот миг достиг такой же преграды и недолго думая уперся ладонями в каменную глыбу, а вокруг рук появилось сияние. Все же ректор был прав — использование эсканилора рассеивает часть энергии. На моих глазах капитан виерской команды сдвинул валун в сторону, свалил его в кусты и помчался дальше, в то время как Гир едва сдвинул камень лишь наполовину. Парень, однако, удовлетворился этим и протиснулся в образовавшееся пространство, но приблизился к острым кустарникам, разорвал о шипы одежду и оцарапал кожу. Теперь спина аристократа представляла собой страшное зрелище с кровоточащими ранами. На трибунах раздались шокированные возгласы, а Гир побежал вперед, но я видела, как он закусил губу, и заметила, что бежать парень стал медленнее в отличие от Арктура.

До конечной цели оставалось совсем немного, когда путь парням преградила вода. Наш капитан не раздумывая бросился вперед, и в тот же миг бурная река подхватила его и потащила в сторону. Виер не стал тратить силы на борьбу с течением, а, позволяя увлекать себя вниз, широкими гребками медленно продвигался вперед и наконец достиг противоположного берега. Однако ему пришлось возвращаться вдоль реки обратно к вьющейся среди кустарника тропинке.

Гир в это время почти доплыл. Аристократ попросту заколдовал огромное бревно и перемещался верхом на нем, корректируя течение магическим заклинанием. Магия заметно истощила его силы, он практически свалился с бревна на противоположном берегу, однако поднялся на ноги и побежал вперед. Я вновь прижала ладони ко рту, напряженно следя, как они преодолевают последний участок, и только благодаря этому не разразилась восторженными воплями, когда Арктур первым достиг финиша и оба игрока очутились за пределами куба. К побледневшему аристократу тут же подбежали целители, но парень вырвался из их рук и пошел сам, даже не кивнув более удачливому сопернику.

— Поздравляем с победой во втором состязании виерскую академию! — вещал меж тем ведущий. — Пока у нас ничья, ждем следующих состязаний.

Едва он закончил свою речь, как появились новые таблички: «Яма».

Арктур, вновь занявший место капитана, и Грин подали знаки участникам. Оставалось определить тип состязания: либо испытание на магические формулы, либо на ловкость, либо на контроль над эмоциями. В отличие от предыдущих табличек, эти новые были не цвета земли, что странно, а серого оттенка и непрозрачные. По виду они больше напоминали небольшие каменные плиты. Точно! Яма, закрытая каменной плитой — испытание на формулы. Ловкость выбраться точно не поможет, а формулы могут обратить камень в нечто другое. Вот только в конкретном случае помимо элементарных знаний требовался еще и сильный дар, чтобы все сработало, как надо.

В это время Лиза Эрвуд приложила ладонь к табличке, и на экране загорелось ее имя. В тот же миг девушка перенеслась внутрь куба, а наши участники медлили, и сразу захотелось их поторопить. Ведь они дают дополнительное время команде соперника!

Промедление длилось недолго. Давид выступил вперед и коснулся дощечки. Грани куба закрыли его, а на экране появились две темные ямы, накрытые, как я и догадалась, тяжелыми узкими плитами. Мне стало не по себе, едва представила ощущения участников. Я

предполагала, что в яме воздух очень спертый, наверняка им там тяжело дышать. И вновь магический свет выхватил для нас из тьмы фигуры испытуемых, им же самим ничего не было видно. На ощупь оба исследовали земляные стены и, наконец, нащупали над головой плиту. Лиза взяла поудобнее эсканилор и сразу стала вычерчивать формулу. Кажется, девушка очень старалась, но ведь в темноте не видно знаков и легко допустить ошибку. Думаю, она поторопилась, стремясь опередить соперника.

Давид в это время снял с руки широкий браслет. Раскрыв его, парень коснулся острой гранью земляной стены справа от себя и быстро вывел простые символы. В тот же миг в яме стало светло. Я поняла, что он решил использовать свой эсканилор — все-таки чертить формулы острым предметом намного проще, чем корябать землю пальцами. Давид выпрямился в полный рост и протянул руку к плите. Он действовал, на мой взгляд, слишком медленно, замеряя каждую черточку и выверяя правильность написания. Кажется, моя наука не прошла бесследно в тот раз, когда он якобы провалил задание под воздействием иллюзорной магии.

Я взглянула на Лизу, она вывела последний знак, и плита над ее головой задрожала. Девушка вскрикнула и отшатнулась к стене. Сверху посыпались каменные крошки, и я испугалась, что сейчас аристократку завалит. Перевела взгляд на возвышение, где находился Зор, и вдруг поняла, что староста аристократов, стоявшая рядом с ним, не кто иная, как Дениза, та самая подруга, так ловко подставившая меня после истории с похищением. Прежде из-за волнения я упустила этот факт из виду, теперь же в душе мгновенно вспыхнула злость. Значит, воспользовалась моим смещением к собственной выгоде? Ябеда и доносчица! Неудивительно, что Зор взял ее на мое место, она ведь его любимица. Сейчас Дениза пристально наблюдала за Лизой, а я не могла понять, почему она смотрит не на экран, а на плиту. Потом только сообразила, что для наблюдателей доступна особая магия, позволяющая отслеживать игроков, и Дениза попросту смотрит сквозь камень.

В это время с плиты отвалился огромный кусок и едва не придавил девушке ногу. Лиза еще теснее прижалась к стене. Что же за формулу она использовала? Вряд ли решилась расщепить камень, это было бы смертельно глупо. Если только она допустила ошибку в начертании из-за темноты. Вот безголовая! Ну зачем поторопилась?! Как ни странно, но я переживала и за Лизу тоже, хотя определенно желала победы виерам. Впрочем, все участники не были для меня чужими. Я проучилась рядом с аристократами полтора года, курировала их тренировки, и Лиза была одной из тех, кто вызывал у меня искреннюю симпатию.

Плита вдруг задрожала сильнее, словно готова была вот-вот рухнуть на голову участницы. Я вновь бросила взгляд на Денизу, не понимая, почему она медлит. Та в это время лихорадочно перебирала в руках пять амулетов, отыскивая нужный, и застыла в тот миг, когда с экрана раздался оглушительный треск и плита упала в яму. Я видела, как подскочили со своих мест родители Лизы, а ее мать кинулась по проходу, чтобы сбежать на поле. В ужасе переведя взгляд на экран, увидела, что плита раскололась примерно посередине и обе части упали вниз практически перпендикулярно. Лизу придавило к стенке, и она очутилась в ловушке, но была жива и даже пошевелила рукой, стремясь, очевидно, коснуться амулета на шее. Дениза наконец-то отыскала нужный и активировала его.

Когда Лиза оказалась на траве, к ней уже подбежала мать и стала ощупывать со всех сторон, определяя, нет ли у дочери повреждений. Целители примчались с носилками и унесли пострадавшую в палатку.

— Глупые гусыни! — послышался рядом возглас Анжина. — Что одна, что вторая не вспомнили вовремя про амулет. Что за дура староста у них в академии? Это ее обязанность. Девчонку едва не раздавило!

Я полностью разделяла мнение парня, так же, как и гудящие трибуны. Я прекрасно помнила, что особым умом Дениза никогда не блистала, зато прекрасно умела втереться в доверие и в целом производила впечатление веселой и обаятельной хохотушки.

С экрана снова донесся скрежещущий звук, и я вспомнила о Давиде. Парень уже закончил свою формулу и, как и Лиза, прижался к земляной стене. Я со страхом ожидала, что и его плита сейчас начнет дрожать, но камень не треснул, а, напротив, немного провис, будто структура его стала мягче. Едва виер убедился, что формула сработала как надо, сразу выпрямился и принялся отрывать куски камня и откидывать в угол ямы. Наконец Давид проделал в плите внушительную дыру и, упираясь ногами в земляные стены, вскарабкался наверх и выбрался наружу. Куб растаял, а трибуны виеров приветствовали победителя громкими криками.

Осталось два испытания! Я бросила взгляд на возвышение, где стояли ректор с Элинной. Амир придерживал старосту за плечи, а девушка в это время складывала в карман платья еще один амулет. Вот кто ответственно подходит к своим обязанностям, потому как ее выбирали не за умение собирать сплетни, а за настоящие лидерские качества. В руках Элинны осталось два металлических листочка, точно таких же, какие висели на груди последних участников. Теперь на секторах стояли Энтони и Линда с нашей стороны и Грин с Элизаром со стороны аристократов.

Секунду спустя в воздухе возникли новые таблички: «Призрачный скакун».

Я даже выдохнула — испытание на скорость реакции и ловкость. Справится ли Энтони? Согласно преданиям призрачный скакун был очень сноровистым и быстрым магическим существом, поймать которого способен далеко не каждый.

Энтони и Грин коснулись ладонями гладкой поверхности и очутились посреди зеленого поля. Вдалеке виднелась фигура полупрозрачной лошади, а сбоку от каждого участника паслось еще по одной, каждая из которых уже была взнуздана. Судя по всему, они служили средством для поимки скакуна.

Парни, словно по команде, сперва кинулись к лошадям, но не нашли, что искали, и одновременно склонились к земле, срывая зеленые стебли. Тогда и я вспомнила, что поймать скакуна можно лишь с помощью особенного аркана, сплетенного из травы. Участники очень торопились. Энтони ловко плел веревку, Грин практически не уступал ему. Только чуть позже я заметила, что аристократ помогает себе магией эсканилора. Оно и неудивительно, вряд ли Грин, который происходил из очень родовой семьи, каждый день сам для себя вязал веревки. Ну, хотя бы нужное заклинание знал.

Пока соперники не уступали друг другу ни в чем и очень быстро и ловко справились с первой задачей. Закончив с арканом, оба вскочили на лошадей. Энтони уверенно направил свою в сторону пасущегося на лугу скакуна, постепенно прищипывая ее. Грин, на удивление, поехал намного медленнее. В тот момент, когда Энтони рванулся вперед, а скакун помчался прочь от всадника, Грин подъехал ближе и остановился на приличном расстоянии от добычи. Я видела, как конь поднял голову, недоверчиво кося в сторону всадника черным глазом, и в этот момент капитан аристократов засвистел. Свист вышел очень странный, он больше напоминал нежную красивую мелодию. Я с уважением смотрела на гордо восседавшего на лошади парня, восхищаясь его необычным приемом. Кому как не

«выросшему в седле» аристократу знать все методы укрощения лошадей? Оставалось только пожалеть, что в программу состязаний включили столь проигрышное для Академии виеров испытание. Скакун сам пошел навстречу капитану чужой команды. При этом держался он настороже, прядал ушами и нервно потряхивал напоминавшей жидкое серебро гривой.

Взгляд мой метался по экрану с одного участника на другого. Энтони гнался за петляющим по полю скакуном и уже приблизился на то расстояние, с которого можно было раскрутить лассо. Грин медленно тронул свою лошадь навстречу грациозному животному, гордо вышагивающему по полю, будто на конном параде. Я с волнением следила, кто же окажется первым. Энтони уже практически настиг свою добычу, а Грин потихоньку раскручивал лассо, не прекращая мелодично насвистывать. Энтони взмахнул арканом, целясь поймать скакуна, а Грин резко выбросил руку вперед. Все зрители затаили дыхание, следя за взметнувшимися в воздухе лассо. Петля, которую пытался накинуть Энтони, скользнула по крупу отпрыгнувшего в сторону коня, а вот уздечка Грина попала как раз на шею скакуна. Тот вдруг встал на дыбы, еще туже затягивая петлю, а капитан аристократов крепко ухватил второй конец, не позволяя коню вырваться из западни. И в тот же момент растаяли грани куба, как и иллюзорные лошади под всадниками, и оба парня покатались по траве.

Гордый Грин практически сразу вскочил на ноги, а Энтони хмуро поднялся, отряхивая с колен налипшие травинки, и, с досадой поглядев в сторону более удачливого соперника, развернулся и пошел к нам. Парни похлопали виера по спине, а я лишь проводила его взглядом, когда он скрылся за полотнищем шатра. Меня сейчас больше волновало не состояние игрока, а то, что впереди последний конкурс, и именно в нем определится победитель игр.

Глава 4

Лабиринт

Теперь и без подсказок было ясно, что последнее испытание — это контроль над эмоциями. Капитаны стояли на своих местах, а последние участники с каждой стороны ожидали появления табличек. Можно представить, как они сейчас нервничали, учитывая, что исход состязания зависел от них двоих. Впрочем, Элизар, как истинный аристократ, не проявлял абсолютно никаких эмоций, но вот Линда выглядела по-настоящему испуганной. Я не отрывала от девушки взгляда, а потому заметила, как она нервно передернула плечами и шагнула немного назад, словно хотела выйти из сектора.

Да что это с ней? Ее ведь не просто так выбрали в основной состав, на тренировках Линда демонстрировала просто замечательные навыки, а сейчас не может скрыть своего волнения. Почему она так явно нервничает? Пока я раздумывала над поведением виерки, прозвучал сигнал, и в воздухе появились последние таблички. Они напоминали собой кусок льда, а на поверхности засветились яркие буквы, сложившиеся в одно слово: «Лабиринт».

Неужели ледяной лабиринт? Я невольно потерла ладонями плечи. Как же там должно быть холодно.

В этот самый момент Элизар приложил руку к дощечке, однако не исчез. Судя по всему, это состязание можно было начать только одновременно с соперником. Линда же повела себя более чем странно. На кивок Арктура она вдруг отчаянно замотала головой и вышла из сектора. Виерские трибуны загудели, а наши игроки заволновались. Я нервничала не меньше окружающих. Да что она делает? Самовольный отказ от участия в играх — это практически добровольное признание поражения. Вскинув вверх голову, увидела, как стремительно опускается вниз платформа, а с нее сходят Амир с Элинной. Староста подбежала к участнице и, схватив ту за плечи, легонько встряхнула. Мне не слышно было, о чем идет разговор, зато прекрасно видно, как отрицательно машет головой Линда. Я не выдержала, побежала вперед к центру поля и подскочила к ожесточенно спорящим девушкам.

— Я не пойду, не пойду, мне страшно! — с отчаянием в голосе твердила виерка.

— Мы можем проиграть из-за тебя, — наседала Эля.

— Элинна, прекрати, — вдруг велел Амир. — Линда, ты пила что-нибудь перед состязаниями, кроме воды из графина в палатке участников?

Девушка уже едва не плакала, но постаралась ответить. Я с трудом узнавала ее.

— Стэс со мной соком поделился, я увидела, как он его пил, и попросила немного.

— Стэс? Твоя замена? — Элинна едва не зашипела, а я уже поняла все, что только собиралась произнести вслух староста. Их опоили, опоили участницу последнего состязания и ее замену. Непонятно как подсунули напиток Стэсу, а он, естественно, поделился с напарницей. Ведь ректор предупреждал: не есть и не пить ничего из того, что могут предложить за пределами палатки, а в палатке была только вода. Почему этот глупый мальчишка не послушал? Еще и Линду напоил!

— Значит, с ним то же самое! — выкрикнула Элинна в отчаянии. Но я уже не слушала. Только успела осознать, что мы вот-вот проиграем команде аристократов, и не раздумывая шагнула в сектор, протягивая руку к табличке. В ту же секунду меня резко дернули назад, и я прижалась спиной к груди ректора.

— Куда? — зашипел Амир на ухо.

— Контроль над эмоциями, я смогу, — уверенно заявила в ответ, поморщившись от боли в плече, на котором сжались его пальцы.

— Виолетта, у тебя нет амулета, куда ты лезешь? Как нам вытащить тебя, если что-то случится?

Пока я приходила в себя после этой отповеди, Элинна как-то странно засипела рядом.

— Поздно. — Староста выдохнула так, словно признавалась в чем-то по-настоящему ужасном. — Ее имя загорелось на экране. Сейчас вы отпустите, и она окажется внутри куба.

Пальцы Амира сжались еще крепче, а потом он отрывисто приказал:

— Элинна, отдай ей мое кольцо, живо!

Староста дрожащими пальцами стянула полупрозрачный зеленый ободок и быстро надела на мой указательный.

— Когда ощутишь опасность, сожми ладонь и активируй кольцо, — сказала Элинна, глядя на меня полными отчаяния глазами.

— Как?

— Просто позови меня, Летта, — ответил Амир.

— Я поняла.

— Удачи, — едва слышно шепнул ректор и отпустил.

Всего секунда, пока я еще ощущала тепло его ладоней, а вокруг смыкались грани. Еще одна, пока я привыкала к воцарившемуся вокруг полумраку. Холод окутал тело, я обвела взглядом ледяное пространство, подсвеченное голубыми огоньками растущих из земли кристаллов. Обернулась невольно, касаясь ладонью стены, но за ней была лишь темнота, скрывшая тех, кто стоял по ту сторону. Теперь у меня осталось только два пути — либо отдать победу Элизару, либо успеть пройти испытание первой.

Впереди тянулся длинный коридор, который разветвлялся на несколько ходов. Полупрозрачные стены будто немного светились, под ногами был ледяной пол, а наверху такой же потолок. Если я правильно понимала принцип устройства лабиринта, то скоро на пути начнут попадаться различные ловушки, и только умение контролировать собственные эмоции позволит их преодолеть.

Я решительно шагнула вперед, осторожно ступая по скользкому полу и держась за стены. Облачко пара вырвалось изо рта, по обнаженной коже рук побежали мурашки. Я внушала себе, что это только видимость, ведь еще вначале задания представляла, как должно быть холодно в ледяном лабиринте. Чем больше уверяла себя в этом, тем теплее становилось.

Дойдя до развилки, посмотрела по сторонам. Коридор убежал в обоих направлениях и налево заканчивался тупиком, а справа казался бесконечным. Вот только в лабиринте всегда есть разветвления, значит, эта бесконечность лишь обман зрения. Я решительно повернула направо и вскоре уперлась в зеркальную стену, которая и создавала ощущение нескончаемого коридора. Левее начинался новый проход. Там меня и поджидала первая ловушка — в полу зиял огромный провал, перепрыгнуть который не представлялось возможным. Я задумчиво подошла к краю и, держась за стену, помахала над провалом ногой, ощутив холодную пустоту. Здесь не свисали с потолка лианы или веревки, а миновать препятствие по стене было попросту нереально. Тогда я закрыла глаза, так легче было убедить себя, что впереди есть пол. Нельзя верить тому, что видишь, в этом испытании страхи работают против тебя.

Набрав в грудь побольше воздуха, я решительно шагнула вперед. Если не буду бояться, то не провалюсь. Я сделала еще шаг, чувствуя, как пружинит под ногами «пустота». Еще шаг и

еще, и я достигла противоположного конца и ступила на прежний ледяной пол.

Первая ловушка осталась позади, а сейчас вновь приходилось выбирать направление. Один из трех коридоров переливался разноцветными огнями и был таким красивым, что нестерпимо захотелось пойти именно туда. Невольно сделала шаг, но тут же ухватила рукой за стену, останавливая собственное тело, которое неудержимо влекло в ловушку. В этом лабиринте идти можно только туда, куда совершенно не хочется. Я заглянула еще в один коридор, он выглядел таким обычным и удивительно безопасным. Повернувшись в сторону последнего, невольно отступила. Чуть дальше впереди на ледяном полу извивались змеи. Я обхватила плечи руками, сделала глубокий вдох. Нужно идти, они не причинят мне вреда, если я не буду бояться.

Коснулась кольца на пальце, набираясь решимости, вспомнила все те уроки, что проводил со мной Истор, и сердце сдавило. Усилием воли отогнав лишние эмоции, я пошла вперед. Решительно, не глядя под ноги, уверяя себя, что эти змеи такие же, на каких меня тренировал Истор, включая проектор. Они безопасны, их шипение не сулит мне ничего плохого, они не смогут укусить, не смогут сделать больно и никогда больше не заставят меня потерять голову от страха. Я шла и шла, глядя только вперед, прокручивая в уме все хорошие и светлые воспоминания, и даже не вздрогнула, когда нога наступила на скользкое тело, а в ответ раздалось громкое шипение. Едва впереди показалась новая развилка, я смогла наконец расслабиться. Прошла! Улыбка сама расцвела на моем лице. Я справилась и с этим испытанием.

Осталось совсем немного. Чем ближе к концу, тем сложнее и страшнее. Теперь нужно определить, куда идти дальше. Впереди оказалось всего два разветвления, и один коридор очень напоминал тот, что был в нашем доме, тот самый, который вел к моей комнате. Я узнала окна, картины на стенах, статуэтки на декоративных столиках, плетение мягкого и дорогого ковра, устилавшего мраморные плиты. Коридор, уводящий налево, казался темным и пугал меня холодной пустотой, как будто в самом воздухе там ощущалось странное отчаяние. Я видела почти ту же самую дорожку, но разорванную местами, полусгнившие рамы с истлевшими картинами, нищету, разруху и бедность. Сердце так сдавило, что сложно было даже вдохнуть. Я прижала ладони к глазам, призывая себя успокоиться, прекрасно понимая, куда мне стоит пойти.

И я повернула в темный коридор, пошла вперед, борясь с желанием прижать к лицу платок, так тяжело было дышать здесь, такая странная и удушливая вонь царила кругом, но я не сбавляла шаг и не переходила на бег — держать, держать эмоции под контролем. Это все обман, а вовсе не картина моей будущей жизни, только иллюзия. Я миновала страшный коридор, а когда обернулась назад, увидела лишь полупрозрачные стены и гладкий пол. Теперь впереди был один путь — извилистый ледяной проход, конец которого терялся во мраке.

Не останавливаясь, чтобы перевести дух, я снова направилась вперед, не медленно и не быстро, помня о том, что нужно держаться и не выпускать чувства из-под контроля, что бы ни скрывалось за каждым поворотом. Коридор изгибался, по бокам возникали темные провалы, а оттуда раздавались голоса. Я узнавала их, когда они называли меня по имени. Голоса родных людей, зовущих меня к себе, уговаривающих вернуться: Эрин, родители, друзья, поклонники — голоса из прошлой жизни. Но я не слушала их, я шла вперед, и коридор внезапно закончился огромной полутемной комнатой. В дальнем конце на небольшом столике светилась золотая статуэтка снежного цветка — мой приз! Осталось

только взять его в руки, и испытание закончится.

Невольно, совсем чуть-чуть ускорила шаг, а когда до статуэтки оставалось совсем немного, я вдруг заметила то, чего не видела раньше. Кто-то лежал там впереди на полу. Фигура эта слабо зашевелилась, а потом стала подниматься, и я с трудом сдержала крик ужаса. Истор! Бледный парень с трудом встал на ноги, его кожа по цвету напоминали белый лист бумаги, мертвые глаза взглянули прямо на меня, синие губы искривила усмешка.

— Привет, сладкая, — шепнул мертвец, протягивая ко мне руку.

— Истор. — Тело пробрала внезапная дрожь, мысли смешались в голове.

— Удивлена увидеть меня здесь? Я пришел за тобой, конфетка. Мне одиноко в этой темноте. Скажи, зачем ты меня убила? Я ведь тебя любил. И я еще так мало пожил на свете.

— Ист... — Горло сжало спазмом, я вдруг слишком отчетливо ощутила страшный холод вокруг, пробравший до самых костей.

— Согрей меня, любимая, мне очень холодно здесь одному.

Он двинулся вперед, протягивая ко мне руки, а я пыталась из последних сил уверить себя, что он ненастоящий, просто обман, но не могла совладать с паникой и жалящим чувством раскаяния. Он был совсем такой, каким я видела его в последний раз в лазарете.

— Ист, прости меня. — В голосе прорвались рыдания, я вытянула ладони вперед, пытаюсь остановить мертвеца, а его холодные пальцы вдруг схватили за запястья, подтягивая ближе. Он крепко обхватил меня за талию с той особой нежностью, с какой обнимал всегда, и поднял голову за подбородок. В глазах его светилась лишь пустота, а на губах играла знакомая улыбка.

— Останься здесь со мной, сладкая, не бросай одного. — И он склонился вниз, касаясь моих губ, сейчас таких же холодных, как ледяные стены лабиринта, забирая своим поцелуем последние крохи тепла. Страх, паника, раскаяние постепенно отступали, накатывало безразличие, и становилось на удивление легко. Не было больше тревог, я не чувствовала холода, только сердце замедляло свой ритм, билось все тише и тише.

Я закрыла глаза, а перед внутренним взором вдруг промелькнули воспоминания: увидела смешливую няню, а потом тот день, когда встретила ее нищую и оборванную на улице. Чудесный вечер, когда была заключена моя помолвка и я танцевала с улыбающимся красавцем, наслаждалась его комплиментами, а потом развернула письмо с парой строк, означавших конец всему этому счастью. Я увидела Академию аристократии в тот день, когда гордо поднималась по ступенькам пьедестала, а все вокруг восхищенно внимали моим речам, а потом момент, когда сжимала в руках чей-то доклад, в котором говорилось о моих друзьях и об их предательстве. Я смотрела на сидящих на трибунах родителей, а они безразлично взирали на состязания и меня, вышедшую на поле. Перед глазами промелькнуло лицо Элинны, кричащей о том, что она не простит мне подлого поступка с ректором, бледные щеки Мелинды, умоляющей увезти ее, спасти от проклятия, и сжатое судорогой тело Амира на полу в кабинете, а потом его горящие ненавистью глаза, когда он спрашивал, что же для меня страшнее всего на свете.

Я вглядывалась в его облик, отчетливо понимая, что никто и никогда не пожалеет, если вдруг одной надменной аристократкой на свете станет меньше. В зеленых глазах плескалось отвращение, но я не чувствовала больше боли, а словно наблюдала со стороны, отдалялась от Амира, но заметила, как лицо его исказила тревога, и услышала далекий голос, шепчущий: «Кольцо, Летта. Кольцо!»

Я уже не чувствовала тела, пальцы онемели, мягкая темнота окутывала мозг. Не могла

понять, чего он ждет от меня, и было так сложно предпринять хоть что-то, совершить последнее усилие. И лицо Амира становилось все дальше, растворяясь в темноте. Захотелось шепнуть ему «Прощай», пока он не ушел совсем. Я едва шевельнула онемевшими пальцами, не чувствуя даже, сжимаются ли они в кулак или так только кажется. Последняя попытка, чтобы сказать ему «прости» и уверить, что не держу зла. Мне показалось лишь на миг, будто пальцы коснулись кольца, один-единственный миг, когда я позвала: «Амир».

Как досадно, когда ощущаешь легкость в теле и плывешь среди белых пушистых облаков, когда погружаешь пальцы в прозрачную небесную синеву, а тебя вдруг очень грубо возвращают на землю. Ощущение сродни пощечине, настолько сильной, что возмущение вырвало меня из глубокого забвения, и я открыла глаза.

Первое, что увидела, — это белый полог целительской палатки, а потом опустила голову и встретила глазами с Амиром. Тот самый встревоженный взгляд, что пригрезился мне еще в лабиринте. Рядом с ректором стояли Элинна и Диана. На лице старосты было написано такое горе, будто она уже проводила меня на тот свет. Это выражение вдруг сменилось недоверием, а потом на губах девушки расцвела непередаваемая счастливая улыбка.

— Очнулась! Она очнулась! — Элинна упала на походную койку и крепко обняла меня, приподняв с жесткого ложа. Я только ойкнула, а Амир уже оттащил девушку, строго прикрикнув, чтобы не задушила меня, поскольку я и так едва живая.

Эля послушно замерла рядом с ректором, но болтала не останавливаясь.

— Летка! Ужас-то какой! Амир когда тебя на руки поднял, я думала, что ты уже насмерть замерзла. А Диана едва тебя из ледяного сна обратно вернула, ты никак в себя не приходила. Глупая, как можно было поддаться?! Ты же чуть насмерть не замерзла, а амулета нет! А я вижу только, как ты к цветку руку протянула, а потом замерла на месте. Кого ты там увидела? Почему остановилась?

— Я... — Голос прозвучал едва слышно.

— Постой. — Диана склонилась ко мне, протягивая стакан с синей жидкостью. — Выпей вот это.

Амир осторожно придержал меня за плечи, а целительница обхватила мою руку с питьем и помогла поднести стакан к губам. Я сделала несколько глотков.

— Не чувствуешь вкуса? — спросила вдруг Диана.

Я кивнула.

Целительница нахмурилась:

— Это не самое приятное лекарство, а ты даже не поморщилась.

— Что ты увидела, Летка? — продолжала пытаться староста.

Амир вновь уложил меня на подушку, а я перевела взгляд на потолок и прикрыла глаза.

— Я Истора видела. Он спросил, зачем я его убила, — сказала и замолчала, пережидая, пока отпустит спазм в горле. — Диана, — я посмотрела прямо на целительницу, не решаясь глядеть на Элинну или ректора, — он умер?

Диана покачала головой:

— Нет, Летта. Когда я уходила из лазарета, с ним оставалась Бэла. Истор еще не пришел в себя, но на тот момент состояние его не ухудшилось.

— Эта была только иллюзия, Летта, — сказал Амир.

— Он был совсем реальным и просил остаться там с ним, — ответила я, избегая взгляда мужчины, — а потом поцеловал, и я ощутила холод, очень сильный холод.

Амир вдруг сел рядом на койку и склонился немного, поворачивая к себе мое лицо. Он осторожно ощупал пальцами щеки, нос, лоб и губы, но я почти ничего не чувствовала.

— Очень сильное самовнушение. Диана, есть лекарство, чтобы снять последствия обморожения? Летта ничего не чувствует сейчас.

Он поднял мою руку, провел по ладони.

— Ощущаешь тепло?

Я отрицательно покачала головой.

— Амир, здесь есть только согревающий эликсир, но я уже влила в нее целый литр, и он не снял последствия. Я попробую магией.

Диана заняла место Амира, положила мне ладони на лоб, закрыла глаза. Лицо целительницы будто немного побледнело, но я так и не ощутила тепла.

— Амир, целительская магия не работает.

— Почему?

— Она добровольно отдавала тепло. Она не просто попала под воздействие иллюзии, она поверила всецело, что убила парня, и сама смирилась с собственной гибелью. Я не могу пробить этот барьер. Сейчас процесс завершается, минут через пять Летта перестанет что-либо чувствовать, и больше мы ничего не исправим.

— Ректор Сенсарро! — отчаянно зашептала Элинна. — Ректор Сенсарро, что делать? Придумайте хоть что-нибудь, пожалуйста.

— Летта, — Амир снова сел рядом, — он забрал тепло через поцелуй?

— Да.

— О чем ты думаешь, Амир? — встревоженно спросила целительница.

— О самом простом способе согреть Виолетту, Диана. Он может сработать. Дай мне все, что еще осталось от твоего эликсира. Дополнительное тепло не помешает.

Диана быстро принесла кувшин и протянула ректору.

— Отдашь свое?

— Да. Летта, надеюсь, оставишь мне хоть немного, не хочу превратиться в ледяную глыбу. — Амир слегка улыбнулся, а потом запрокинул голову, осушил кувшин в несколько глотков и склонился ко мне. Я сперва не поняла, что он хочет сделать, а осознала, лишь когда ректор меня поцеловал. Он осторожно коснулся моих губ своими, но я почти ничего не ощутила. Закрыла глаза, пытаюсь настроиться и попробовать взять то тепло, которым он хотел поделиться, но чувствовала лишь холод.

Амир, не ощущая отклика, обхватил ладонью мой затылок, прижал еще крепче, надавил кончиком языка на мои губы, заставляя раскрыть, провел по стиснутым зубам, и я послушно разжала их, позволяя его языку коснуться кончика моего. Это прикосновение отозвалось едва осязаемым покалыванием. Другая рука ректора обхватила меня за плечи, прижала к широкой груди, будто он хотел согреть меня и таким образом.

Поцелуй все длился, Амир не отрывался от моих губ, а я послушно отвечала, стараясь помочь ему, как могла. И вновь короткий разряд пробежал по спинке языка, а потом еще один, и еще, и вдруг словно теплая волна прокатилась по телу вплоть до самых кончиков пальцев. Она разбила сковавшие меня ледяные путы, и я задрожала. Холод выходил, а дрожь все усиливалась. Я испуганно вцепилась в плечи Амира, чувствуя, как становится по-настоящему жарко. И вдруг ректор резко отстранился. Я дышала с трудом, воздуха не хватало, на висках проступила испарина, все тело теперь будто колото острыми иглами. Амир коснулся моего лба, а потом осторожно уложил обратно на подушку.

— Сделай ей компресс, Диана. Перегрел немного, — улыбнулся он, и в глазах больше не светилось беспокойство.

— Ого, — только и вымолвила Диана, поглядев на меня, — я бы до этого не додумалась.

— И хорошо, а то начнешь практиковать на больных студентах, и половина моей академии сляжет.

— Как бы теперь вторая половина не слегла, та, которая женская.

— Боюсь, я не найду столько времени в расписании, чтобы всех лечить.

Диана улыбнулась и наклонилась ко мне, положив на лоб холодный компресс. А потом коснулась руки Амира.

— Да ты холодный совсем. Замерз?

— Согреюсь.

Амир решительно поднялся, оглядел нас троих и сказал:

— Все, Диана. Оставляю Виолетту на тебя, а мне пора идти, принимать решение комиссии по поводу игр.

Он бросил на меня последний взгляд, откинул полог и вышел.

— Что с состязаниями? — спросила я Элинну, кутаясь в одеяло, которым накрыла меня Диана.

— Сейчас объявят, кто победил. Вопрос спорный, но, вероятнее всего, присудят победу аристократам.

— Элизар взял статуэтку?

— В том то и дело, что не взял. Он еще в самом начале лабиринта заблудился, потом нашел дорогу, но гораздо позже тебя, а до конечной комнаты так и не дошел, и неизвестно сейчас, справился бы с заданием или нет. Игры закончились раньше.

— Неужели я дотянулась до статуэтки? Я не помню.

— Нет, но оставалось совсем чуть-чуть. С одной стороны, ты весь лабиринт прошла, нашла приз, почти коснулась, но не успела перенестись за грани. С другой — ты попала с последней иллюзией, и у тебя не было амулета. Никто не чувствовал, что с тобой что-то не так. Только Амир услышал, ну и...

— Что — и?

— И нарушил правила состязаний.

— В каком смысле?

— Он самовольно разрушил грани, а в ход состязания вмешиваться нельзя, это расценивается как помощь участнику. Единственный вариант — когда испытуемому грозит реальная опасность, а для этого существуют амулеты. Один может активировать староста, а второй — сам участник, если чувствует опасность. В твоём случае ни один из вариантов не сработал. Ты просто замерла и стояла не шевелясь, но никакой угрозы не было видно. Я даже понять ничего не успела. Амир рядом был, также наблюдал за всем, а потом вдруг опустился на одно колено, положил ладони на платформу, и все вокруг задрожало. Я думаю, он применил резонансное заклинание, потому что куб пошел трещинами, а затем рассыпался. Оказалось, что ты уже на земле лежишь. Как раз платформа вниз опустилась, Амир к тебе подбежал, поднял на руки, а ты белая словно мел, и кожа такая, будто ледяной корочкой покрыта. Ну а потом долго тебя пытались в чувство привести, я уж решила, что...

Эля замолчала и опустила голову.

— Эх, Летка. Как же ты так? На играх очень сильные иллюзии делают, но даже они не могли бы тебя убить. Для подобного воздействия нужно самой поддаться, абсолютно

поверить в обман. Ты едва не замерзла потому, что потеряла контроль, а на тебя это совсем не похоже. Из всех моих друзей ты самая сдержанная и всегда такая хладнокровная и... Не понимаю, как подобное могло случиться с тобой?

Я не ответила, не стала рассказывать, как тяжелые воспоминания практически лишили меня воли, желания бороться и на миг показалось, будто легче уступить.

Меня позвали на поле. Заключительная часть — закрытие состязаний, где должны присутствовать все участники, и я вдруг оказалась в их числе. Сейчас чувствовала себя намного лучше, а потому пошла и встала рядом с четырьмя виерами, в самом конце, напротив своих бывших друзей. Стояла, не опуская головы, с достоинством встречая их холодные взгляды. На трибуны больше не смотрела — ничего нового мне там не увидеть.

Раздался рев фанфар, и голос ведущего прогремел над полем:

— В сегодняшнем нелегком состязании боролись лучшие из представителей двух самых замечательных академий королевства. Это были достойные соревнования, а выбрать победителя оказалось нелегко. Но выбор сделан, и в этот раз победа присуждается... — ведущий выдержал паузу, — Академии аристократии!

Громкие аплодисменты и радостные возгласы с трибуны аристократов, счастливые улыбки на лицах участников другой команды, холодный, полный торжества взгляд Зора и мое сердце, пропустившее удар, — мы проиграли. Даже не подумала, что могла бы стоять сейчас на месте победителей. Я уже определила собственное место, и оно точно было не там, где находился Зор Анделино.

— А теперь традиционное напутствие от ректора проигравшей академии и вручение приза победителям.

Я повернула голову, наблюдая, как Амиру подносят большую золотую статуэтку огненной птицы, которую он должен был вручить Зору. Организаторы отдали ее ректору Сенсарро и отступили, ожидая, когда он подойдет к Аделино и публично произнесет поздравительную речь.

Амир взял статуэтку, вышел вперед, и его громкий голос прозвучал над полем:

— Поздравляю команду Академии аристократии с участием в состязаниях. Я всегда готов признать победу достойных соперников, но не в этот раз. Я требую оспорить решение комиссии и пересмотреть итог соревнований с учетом некоторых факторов, указывающих на нарушение правил.

— Ты сам нарушил правила, — возразил Зор. Он быстро шагнул вперед и ловким движением выхватил награду из руки Амира.

Трибуны зашумели, люди вскакивали со своих мест. В этом общем гуле голоса в поддержку Амира сливались с возгласами, требовавшими признать поражение. Наш ректор невозмутимо обвел взглядом зрителей, а я смотрела на статуэтку, которую сжимал Зор. Ректор аристократов не был согласен с пересмотром итогов соревнований. Совершенно неожиданно золотая статуэтка зашевелилась, и Анделино в растерянности разжал ладонь. Над полем прозвучал дружный вздох, когда огненная птица встрепенулась, расправила крылья и быстро взмыла вверх.

— Ваш запрос на пересмотр итогов межакадемических состязаний принят, — прозвучал голос ведущего.

Глава 5

Встреча с прошлым

Мы сидели с Амиром в закрытом экипаже друг напротив друга и молчали. Я смотрела в окно, хмуро разглядывая освещенный закатными лучами город. Когда ректор спросил, согласна ли я на встречу с родителями уже сегодня, я ответила утвердительно — просто не видела смысла тянуть. Предчувствия были не самыми радужными, учитывая то, что сегодня я открыто выступила против аристократов, поддержав на соревнованиях виеров.

Ректор сказал, что будет проведено расследование по поводу двух участников, которых намеренно опоили перед испытаниями. Он также предупредил, что меня могут подробно расспросить о видениях в лабиринте, поскольку мое замерзшее практически до смерти тело стало неожиданностью даже для организаторов. Говорить о своих чувствах незнакомым людям очень не хотелось, но я не знала, есть ли другой выход.

Вздыхнув, перевела взгляд на Амира и спросила:

— Ментальная магия позволяет слышать мысли человека на расстоянии?

Мужчина оторвался от созерцания города за окном и уточнил:

— О каком чтении мыслей ты спрашиваешь?

— Я слышала вас перед тем, как лишилась сознания. Вы напомнили про кольцо.

— Нет, Виолетта, я не разговаривал с тобой. Я могу услышать носителя кольца или любого человека, у которого есть зачарованный ментальный амулет, только тогда, когда он меня позовет. Для обмена мыслями на расстоянии требуется совершенно иная магия, а вкладывать подобные силы в кольцо старосты просто не имеет смысла.

— Понятно, — коротко ответила я, осознав, что все увиденное было лишь плодом разыгравшейся фантазии.

— Полагаю, — продолжил Амир, — ты до последнего не желала сдаваться, и пусть тело подчинилось, но мозг успел послать сигнал — воспоминание о кольце, и ты смогла активировать его.

— Да, смогла. — Мне вдруг расхотелось продолжать этот разговор, и я сменила тему. — Почему вы решили отвезти меня к родителям, несмотря на то что победитель до сих пор не известен?

— Я обещал пойти к твоим родителям, если ты приложишь усилия к нашей победе, и имел в виду тренировки. Ты не просто справилась с обязанностями тренера и организатора, Летта, но рисковала собой в последнем состязании, когда отправилась туда без амулета, без соответствующей подготовки...

— Я была уверена в собственных силах, поскольку ознакомилась с множеством заданий на эмоциональный контроль, пока подбирала подходящие для тренировки команды, и...

— Видеть и практиковать — разные вещи. Нельзя так рисковать впредь, Летта. Ты это понимаешь?

— Да, — резко ответила я, вновь отворачиваясь к окну, а ректор только вздохнул:

— Значит, не понимаешь. Ни один выигрыш не стоит человеческой жизни. Если бы была возможность, я не пустил бы тебя в лабиринт, но прикосновение к табличке участника не оставило нам иного выбора. Ты ведь теперь ждешь благодарности, а я вновь выговариваю тебе, верно?

— От вас я не жду благодарности, — ответила гордо и совершенно спокойно (так мне, по крайней мере, казалось).

— Виолетта, это действительно был поступок, достойный восхищения, но слишком рискованный.

— Теперь это не имеет значения, и я не вижу смысла обсуждать то, что уже произошло.

Амир молча откинулся на спинку сиденья. Кажется, он тоже не видел смысла в чем-либо меня убеждать.

Это было так удивительно — идти следом за нашим дворецким в хорошо знакомую гостиную на встречу с собственными родителями. Словно я была обычной посетительницей, которую вежливые хозяева согласились принять. Отец сидел в кресле, а Эстер расположилась на диване рядом с маленьким столиком, на котором стояли чашки с чаем и вазочки с печеньем.

— Добрый вечер, Виолетта, — равнодушно поздоровалась мать.

— Добрый вечер. — Я взглянула в сторону отца, который лишь скользнул по мне взглядом, а потом отвернулся к окну. — Позвольте представить вам моего спутника, Амиральда Сенсарро.

Эстер и Роланд ответили на приветствие Амира сдержанным кивком. После мама пригласила нас присесть, а сама разлила чай в тонкие фарфоровые чашки.

Впервые в жизни я чувствовала подобную неловкость. Как будто присутствовала на спектакле и выступала в главной роли, а вокруг двигались заведенные куклы. И дело было вовсе не в четком соблюдении предписанных правил, а в том, что все столь хорошо знакомые мне люди казались слишком отстраненными, будто неживыми, даже Амир вдруг надел маску воспитанного аристократа, так удивительно точно копируя манеру общения моих родителей, что казалось, будто передо мной совершенно другой человек. Ректор отказался от чая и занял предложенное кресло с таким видом, словно каждый день наносил родителям подобные визиты и они ему уже порядком наскучили. Эстер и Роланд выглядели невозмутимо, но я ощущала особенное напряжение, разлившееся в воздухе. На мой взгляд, причина была только одна — дочь привела в дом родителей человека, которого они никогда бы не приняли под своей крышей в иных обстоятельствах. Честно говоря, я уже отвыкла от подобной сдержанности, в последнее время слишком часто позволяла своим эмоциям выплескиваться наружу. Зато сейчас соответствующая маска вернулась на лицо, заставляя повиноваться многолетней привычке — в присутствии родителей всегда вести себя соответственно.

— Как твое самочувствие, Виолетта? — спросила Эстер. — Мы видели сегодня на играх, как целители уносили тебя с поля. — При последних словах голос матери едва заметно дрогнул.

— Я чувствую себя хорошо, спасибо, просто задание оказалось слишком сложным... для меня.

Выждала минуту, ожидая ответа, но отец с матерью промолчали. Ощущение, будто каждая произнесенная фраза дается участникам беседы с великим трудом, все усиливалось. И тогда я решила, что пора прекращать это представление. Я не затем приехала домой, чтобы вести светские беседы с собственными родителями.

— После того как полгода назад я оказалась в виерской академии, мы с вами не встречались, но я отправляла вам письма, вы получали их?

— Да, — ответила Эстер, делая маленький глоток из чашки.

— Вы ни разу не ответили.

— Виолетта, ты желаешь вести подобные разговоры в присутствии Амиральда Сенсарро? — спросил вдруг отец, отступая наконец от своей подчеркнуто вежливой и холодной манеры, которой придерживался все то время, что мы находились в гостиной.

— Я не зря попросила господина ректора приехать сегодня. Он должен кое-что вам рассказать о тех событиях, которые заставили меня резко изменить собственным взглядам и выбрать другую академию. Не желаете ли послушать?

— Это весьма любопытно, — ответила Эстер сдержанным тоном, каким могла бы обсуждать новый фасон модного платья или украшения для шляпок.

Я набрала в грудь побольше воздуха, мучительно решая, с чего именно начать, как вдруг заговорил Амиральд:

— В день приезда короля я выкрал вашу дочь из Академии аристократии и перенес в свою.

У меня от подобной формулировки резко пропал дар речи, Эстер едва не выронила чашку, а отец вскочил из кресла.

— Что?! — выкрикнул Роланд Лавальеро.

— Виолетта помешала моим планам и собиралась раскрыть перед лицом короля истинную личину, в то время как я притворялся другим человеком.

— Ты... ты проник в Академию аристократии под чужой личиной, а потом выкрал мою дочь... ты заставил ее выступать за виеров? Да я убью тебя!

Я широко раскрытыми глазами смотрела на всегда сдержанного отца, который вдруг кинулся к дальней стене и, распахнув дверцы шкафа, вытащил револьвер. Он взвел курок и направил оружие на Амира.

— Роланд, — прошептала мать, — опомнись!

— Отец, он не заставлял меня играть в их команде! — обрела я голос. — Я сама захотела!

Из всех нас только Амир хранил спокойствие, хладнокровно глядя на дуло направленного на него пистолета, а потом вдруг сказал фразу, приведшую меня в замешательство:

— Стреляй, Роланд. Может, в этот раз не промахнешься.

Отец вдруг побледнел, а потом резко отшвырнул револьвер в сторону и выскочил из комнаты, громко хлопнув дверью.

— Вы должны немедленно покинуть наш дом, — дрожащим голосом произнесла Эстер, — и не смейте больше являться сюда.

Ректор склонил голову и пошел к двери, а я наконец пришла в себя, кинулась к нему и с криком: «Постойте!» — схватила за рукав.

Амир замер на месте, глядя на мою руку с плохо скрываемой досадой.

— Виолетта, мне лучше уйти. Не горю желанием здесь задерживаться.

— Мама, — не выпуская ректора, позвала я. — Мама, он спас мне жизнь сегодня! У Амира была важная причина, чтобы пробраться в Академию аристократии. Вы просто не знаете, что произошло на самом деле! Как вы можете так себя вести?!

— Виолетта, немедленно отойди от этого человека, а вы... как посмели явиться в этот дом спустя столько лет? Как посмели похитить нашу дочь? Вам мало было моей сестры? Презренный негодяй! Убирайтесь прочь и не смейте больше даже близко подходить к Виолетте!

Я в растерянности продолжала сжимать рукав ректорского пиджака, в изумлении глядя на потерявшую самообладание Эстер. Никогда не видела ее в подобном состоянии, впрочем, как и Роланда. Пальцы Амира мягко накрыли мои, а потом ректор отстранил мою ладонь и вышел за дверь не прощаясь.

— Амир! — позвала я, очнувшись, и хотела кинуться следом, но меня задержал окрик матери:

— Виолетта, не смей идти за этим человеком! Ты никогда больше даже не заговоришь с ним, поняла?

— Нет, Эстер. Я не намерена платить ему подобной неблагодарностью за его благородный поступок. Он рискнул победой своей академии, чтобы вытащить меня из лабиринта, а вы прогнали его из дома!

— Ты действительно по собственной воле приняла участие в состязаниях на стороне виеров? — будто не веря, спросила Эстер.

— Да. И я не намерена оставаться здесь, пока не извинюсь за вас перед Амиром.

— Если ты сейчас переступишь порог этого дома, то назад можешь не возвращаться. Если пойдешь за этим мужчиной, то ты нам больше не дочь!

— Ты говоришь это всерьез?

— Абсолютно серьезно. Девятнадцать лет мы не встречались с ним, и единственная причина, почему приняли его сегодня, — это твоя просьба. А он имел наглость заявить, что похитил и тебя тоже!

— Почему тоже, мама? И при чем здесь твоя сестра?

Эстер отвернулась к окну, а дверь в гостиную снова отворилась, и ворвался Роланд с двумя блюстителем правопорядка.

— Где он?

— Уже ушел, — ответила мать.

Отец повернулся к блюстителем и проговорил:

— Благодарю вас, но этот человек покинул мой дом.

Мужчины поклонились и молча ушли.

— Ты слышала, Эстер, — заговорил отец, — слышала, что она сказала? Она добровольно выступила сегодня за виерскую академию. Виолетта рискнула честью нашего рода ради плебеев. Зря мы только надеялись, что сможем вырастить из нее достойную аристократку. Грязная кровь ее отца оказалась сильнее!

— Роланд! — выкрикнула Эстер.

А мне вдруг стало дурно, и я опустилась в кресло.

— Грязная кровь моего отца? — шепотом спросила разгневанного мужчину.

— Да, Виолетта. Именно! Ты дочь виера и Мэри. Это она родила тебя в ту злополучную ночь девятнадцать лет назад, незадолго до своей гибели. Все эти годы мы старались, как могли, вырастить из тебя достойную леди, относились к тебе, как к собственному ребенку, а ты отплатила подобной неблагодарностью.

— Мама, — шепотом позвала я Эстер, — я не понимаю.

— Это правда, Виолетта. Ты дочь моей сестры Мэри. Это... это такое позорное пятно на репутации нашего рода! Мы с сестрой были похожи внешне, только она была более миловидной, а еще слишком юной и эмоциональной. Не знаю, где она встретила того виера. Он соблазнил ее и уговорил тайком выйти за него замуж. Мэри пошла на обман. Она лгала мне, лгала всей семье, чтобы быть с ним. Собиралась сбежать, а потом мы узнали, что она

беременна. И тогда-то заставили ее раскрыть правду.

Мы с Роландом увезли Мэри в загородный дом. Спрятали сестру, скрыли ее беременность ото всех. В тот день, когда ты родилась, мерзавец-виер нашел ее. Не знаю как, но нашел. Он явился не один, а со своим другом — Амиральдом Сенсарро. Мэри сделала веревку из простыней, а служанке велела вынести тебя через черный ход. Если бы Роланд случайно не заметил девушку, Мэри сбежала бы вместе с тобой. Когда мы ворвались в ее комнату, она спускалась по веревке из окна, а виер ждал ее внизу. И когда сестра увидела в окне меня, она испугалась, выпустила веревку и упала на землю. Там было уже невысоко, но она потеряла сознание, слишком слаба была еще после родов. Я видела, как этот плебей схватил ее на руки и бросился к ожидавшему их экипажу. Роланд кинулся в погоню... — Голос Эстер вдруг прервался, и тогда продолжил отец:

— Я настиг их на горной развилке. Мэри и виер были в карете, а правил ею мерзавец Сенсарро. Мы настигали, я сделал предупредительный выстрел, а лошади вдруг понесли. На повороте карету кинуло в сторону, и она сорвалась в пропасть... как позже выяснилось, пуля срикошетила и попала в Сенсарро. Он не совладал с лошадьми, его самого сбросило на землю, а Мэри погибла в тот день.

Роланд замолчал, молчала и Эстер, а у меня в груди все сдавило, словно тисками.

— Значит, я не ваша дочь. Вот почему вы всегда так относились ко мне — дрессировали, словно маленькую зверушку.

— Мы растили тебя, как собственного ребенка, старались дать все самое лучшее, а ты говоришь, что мы плохо обращались с тобой. — Роланд в возмущении взирал на меня, а я перевела взгляд на Эстер.

— А если бы у вас родился собственный ребенок, что бы тогда со мной сделали? Сдали в какой-нибудь приют, чтобы не пугалась под ногами? На что вам дочь сестры с грязной кровью?

— Я не могу иметь детей, — ответила Эстер, ответила спокойно, но в этих словах отчетливо прозвучала затаенная боль, — из-за несчастного случая, который произошел со мной незадолго до замужества. Ты заменила мне дочь, и я не понимаю, отчего ты сравниваешь себя с дрессированной зверушкой? Разве усваивать хорошие манеры, следить за своим поведением, вести себя достойно и сохранять лицо в любых ситуациях — это дурно? Неужели недостаточно всего, что мы дали тебе? Искренне полагаешь, будто о тебе плохо заботились?

— Для вас я навсегда осталась дочерью виера, вы всю жизнь пытались подавить какие-то гнилые задатки во мне, не позволяли ни на шаг отступить от принятых правил, внушали, что быть аристократкой — это высшее счастье, а я старалась соответствовать этим представлениям. Да только в чужой академии я ощутила себя живой! Мне позволялось там поступать так, как я сама считала нужным, а дома я была как в тюрьме.

— В тюрьме? У тебя было все, о чем бы ты ни попросила!

— Вот только любви родителей я не узнала!

— Виолетта, что за глупости? Ты даже не понимаешь, о чем говоришь! Мы выходили тебя семимесячную, столько сил положили, чтобы ты выжила! Когда ты подрастала, стоило тебе заболеть, как вокруг собирались лучшие лекари. У тебя все было лучшим, понимаешь? А ты!..

— Я говорю лишь о том, чего не желала понимать раньше. Разве можно любить кого-нибудь и связывать теми путями, что вы наложили на меня? Даже Амир после похищения ни

к чему меня не принуждал, позволяя самой выбрать, хочу ли я ему помогать или нет, а он совершенно чужой мне человек. Зато вы, самые родные люди, никогда не разрешали мне делать собственный выбор, а еще называете это любовью и заботой?

— Каждый любит по-своему, Виолетта, — сказал Роланд. — Говоришь, что мерзкий похититель не принуждал тебя ни к чему. Но разве ему есть до тебя дело? А вот нам было! Мы желали, чтобы твоя жизнь была совершенной, идеальной, и старались воспитать тебя соответственно.

Мне вдруг стало очень больно от его слов. В душе зарождался маленький огненный смерч, который грозился вот-вот вырваться наружу, смести хрупкую видимость этой родительской заботы и любви, погresti под осколками разочарования все то, что составляло для меня смысл жизни, заставляло стремиться стать лучшей во всем. Он готов был разорвать острыми жалящими словами обид и оскорблений те отношения, которыми я так дорожила раньше.

— Амир спас меня сегодня, а вы даже не поняли, что я едва не замерзла в лабиринте. Вы так цените свою «дочь», что прогнали ее спасителя, не сказав и двух слов благодарности. Вспомнили только старые обиды и свою злость на него!

— Сенсарро — подлый человек! Он повинен в гибели Мэри! Если бы он не увез ее в тот вечер, она бы осталась жива. А наша благодарность за твое спасение будет выражаться в том, что мы не подадим на него жалобу королю.

— Жалобу?

— А ты думаешь, ему сошло бы с рук похищение нашей дочери? Да я бы не успокоился, пока этот подонок не оказался в тюрьме!

— Роланд, — позвала мужа Эстер, — если ты принял такое решение, тогда не стоит никому говорить о похищении Виолетты. Лучше свету не знать о том, что случилось, иначе могут пойти слухи о ее отношениях с ректором виеров. Подобный позор ничем не смыть, ты понимаешь.

Я в замешательстве посмотрела на Эстер, которая, кажется, уже взяла себя в руки и вернулась к привычной манере общения, вновь рассуждая о приличиях.

— Согласен с тобой. Мы можем увезти ее на время, пока все волнения и слухи не улягутся, после поговорим с Зором, решим, как ей закончить обучение.

И вновь они заговорили о моей будущей жизни так, словно меня это не касалось. Подскочив на ноги, я сжала руки в кулаки, из последних сил пытаюсь не сорваться на крик:

— Я не вернусь в Академию аристократии! Зор Анделино — подлый человек, я не желаю более учиться под его началом. И не хочу, чтобы меня увозили куда-нибудь! Желаю вернуться к своим друзьям, хочу сделать собственный выбор! Я всегда позволяла вам диктовать мне вашу волю, но теперь придется смириться с моим решением.

— Ты желаешь вернуться в виерскую академию? — недоверчиво переспросила Эстер.

— Да, желаю.

— Значит, по-твоему, Амиральд Сенсарро благороднее Зора Анделино, раз под его началом ты можешь учиться? — уточнил Роланд.

— Он не раз проявлял свое благородство, а вот Зор хотел подставить меня, чтобы получить победу на играх.

— Виеры совсем задурили тебе голову! — в сердцах высказался отец. — Никуда ты не вернешься!

— Я сама это решу! — крикнула в ответ, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

— Ты не вернешься в виерскую академию, иначе ты нам больше не дочь! — громко произнес Роланд, почти в точности повторив слова матери.

Я переводила взгляд с лица взволнованного аристократа на бледное лицо Эстер, а потом едва слышно произнесла:

— А я никогда и не была вам дочерью.

Развернулась и вышла за дверь гостиной, устремилась прочь по коридору и дальше во внутренний двор. Пробежала до самой конюшни и за считанные секунды добралась до денника с моим любимым Вихрем. Гнедой радостно заржал, едва увидел меня.

— Соскучился, мой хороший, — шепнула я, протягивая руку и погладив теплую морду животного. Уткнулась в мощную шею, едва сдерживая рыдания.

— Мисс Виолетта, — раздался позади голос конюха.

Я с трудом совладала с эмоциями и, полуобернувшись, приказала:

— Оседлайте Вихря, я уезжаю.

— Да, мисс.

Конюх кинулся исполнять мой приказ, а я отсутствующим взглядом уставилась в стену конюшни, невольно ожидая, что сейчас Роланд примчится сюда. Однако отец не пришел, и конюх беспрепятственно вывел оседланного коня во двор. Я запрыгнула в седло, оглянулась на дом в последний раз и тронула поводья.

Глава 6

Правда, как она есть

— О, благородная барышня, это снова вы? Хозяин отдыхать изволит.

— Доложите о моем приходе, это очень важно.

Старичок кивнул, впустил меня в холл, а потом закрыл дверь и пошаркал в сторону коридора.

— Идемте, барышня, он в библиотеке сейчас. Коли принять не сможет, тады вам уйти придется.

Когда мы остановились перед дверью, а дворецкий зашел внутрь, я невольно заколебалась, стоило ли приходить к Амиру с этим разговором. Может, лучше уйти?

Я даже развернулась в обратную сторону и совсем было решила идти назад, когда старичок вышел и позвал меня:

— Барышня, он примет.

Несмело вошла в освещенную огнем камина библиотеку, но так и осталась стоять у двери, растерянно глядя на сидящего в кресле Амира. В руках ректор держал стакан с какой-то янтарной жидкостью, а в воздухе чувствовался слабый запах алкоголя.

— Входи, Виолетта, — махнул рукой Амиральд, даже не взглянув на меня. — Не самое удачное время для беседы, но поговорим, раз уж ты пришла.

Я прошла вперед и села в свободное кресло у камина, протягивая к огню руки, чтобы согреться. Сердце вдруг вновь наполнил невыносимый холод.

— Как родители отпустили тебя сюда?

— Они не отпустили, я сама ушла.

— Зачем? Разве не лучше было остаться дома?

— Для меня — не лучше.

Я помолчала немного, а потом решилась спросить:

— Теперь прогоните из вашей академии?

— А ты желаешь и дальше здесь учиться? Ты ведь всегда была против виеров.

— Мое отношение изменилось, разве вы не поняли? Особенно после сегодняшних игр?

— Тебя сложно понять, Виолетта. Никогда не угадаешь, делаешь ли ты что-то от чистого сердца или это просто способ поквитаться с кем-нибудь, потешить свое самолюбие.

— Вы ведь всегда ненавидели меня, верно? Потому что я дочь своих родителей?

— Слишком низко и глупо ненавидеть кого-то за то, что он чей-то ребенок.

— Но я чувствовала, что вы меня на дух не переносите.

— Чересчур категоричное заявление. Ты напоминала их очень сильно, не спорю. Та же спесь, самодовольство, эгоизм и желание превзойти всех во всем. Ты похожа на родителей, но иначе и быть не может. Иногда я замечал другие черты. Проскальзывало в тебе что-то настоящее, искреннее, и я пытался понять, на самом ли деле ты способна на обычные человеческие эмоции. Однако после каждого хорошего поступка ты вдруг вытворяла очередную пакость, и казавшиеся прежде благородными твои мотивы вдруг превращались в пустую попытку отомстить или потешить собственное тщеславие. Мне до сих пор сложно понять, что ты собой представляешь на самом деле.

— То же самое я могу сказать и о вас! Какой же вы судья в деле человеческих эмоций и

настоящих поступков, если сами далеко не идеальны? Разве мои родители просто так вас ненавидят и не желают пускать на порог своего дома?

— Интересное заявление. — Амир повертел в руках стакан, сделал пару глотков, а потом продолжил: — Я не беру на себя роль судьи, Летта, но ты спросила об отношении и его причине, и я честно ответил. А что касается вражды между мной и твоими родителями... это слишком долгая история. Ты уверена, что желаешь услышать ее от меня? Может, стоит оставить ту версию, что тебе рассказали?

— Желаю.

— Тогда слушай.

Амир откинулся на спинку кресла и заговорил, глядя в огонь:

— Ты ведь знаешь, что маги долго живут, а сильные маги могут прожить до нескольких сотен лет. Наш возраст не сравнить с возрастом обычных людей, не развивших своих способностей, и года у нас считаются иначе. Однако у каждого в жизни был период, который люди называют юностью. Что касается меня, то, будучи совсем еще мальчишкой, я повстречал человека по имени Стивен Витар. Я в то время много путешествовал, жаждал приключений и частенько попадал в неприятности. Однажды вляпался в довольно крупную заварушку, которая могла закончиться очень плачевно и прервать мою жизнь еще в самом начале. Спас меня один незнакомец, который просто оказался поблизости.

Я не буду рассказывать подробностей, упомяну лишь, что жив я остался благодаря Стивену, он же и выходил меня, поставил на ноги. Стоит ли говорить, что его не остановило даже мое аристократическое происхождение? В то время эта разница ощущалась намного сильнее, чем сейчас, и правила соблюдались гораздо жестче. Стив был удивительным человеком. Настоящий авантюрист и очень сильная духом личность. Он любил приключения не меньше меня. Так получилось впоследствии, что мы очень крепко сдружились, хотя Стив был гораздо старше и опытнее. Он стал не просто другом, но настоящим наставником. На многое открыл мне глаза, рассказал о виерском движении, о своих мечтах. Он искренне верил в высокие идеалы и считал, что можно добиться равноправия и наступит день, когда аристократы и виеры окажутся на одной социальной ступени. Это была цель его жизни. А потом случилось одно событие, которое очень сильно изменило друга.

Я вернулся из очередного путешествия, пришел встретиться со Стивом и едва узнал его. Вместо умудренного жизнью наставника я лицезрел перед собой едва ли не мальчишку. У него глаза горели необычайным задорным огнем. Он не дал мне и слова сказать, зато сам не умолкал ни на секунду. Я услышал тогда, что на городском празднике Стив встретил девушку. По его словам, это была не обычная девушка, а та, которую он мечтал встретить всю свою жизнь. Раньше для него на первом месте всегда стояли его мечты и цели, а вот теперь он рассказывал мне о совершенно неповторимой женщине, неповторимой именно для него.

Он заметил ее в толпе — такую нежную и хрупкую. Девушка была одета в платье простой горожанки, но двигалась с неповторимой грацией и изяществом. Стив с первого взгляда совершенно потерял голову от любви. Когда он познакомился с ней, девушка представилась как Мэри. Она назвала только имя, не сказав ни слова о фамилии, но другу это было не важно. Он словно сумасшедший каждый день ждал встречи с ней в одно и то же время в городском парке. Это удивительная и совершенно невероятная история. Они поженились спустя неделю после знакомства. А вот после свадьбы Мэри призналась Стиву, кто она такая. Точнее, она сказала, что происходит из одного знатного аристократического рода, но не назвала фамилии. Уверила мужа в том, что отныне у нее только одна фамилия —

Витар, потому что родные никогда не позволят ей быть вместе с виером.

Эта новость повергла Стива в полнейший шок, однако не заставила отречься от любимой женщины. Мэри сказала ему, что должна возвратиться домой, иначе родные начнут искать ее. Когда мой друг уточнил, как она представляет себе их будущее, Мэри ответила, что останется с ним, но сперва должна завершить все дела, которые еще связывают ее с прошлой жизнью. Она говорила о любимой сестре, о своих обязательствах перед родней и о том, что ей необходимо объясниться с ними хотя бы посредством записки.

Они договорились сбежать вместе через две недели, Стив собирался все подготовить. Вот только в оговоренное время Мэри не явилась на условленное место. Тогда и начались наши долгие поиски. Мой друг не знал имени рода своей жены, хотя разумному человеку это даже сложно представить. Впрочем, теперь я хорошо понимаю причину ее скрытности — Стив всегда боролся за равноправие, а Лавальеро... хотя не стоит об этом сейчас. В конце концов, мы выяснили, кто такая Мэри, а потом долгое время искали, куда родные спрятали девушку. Оказалось, что ее увезли в поместье, специально приобретенное на имя совершенно другого человека.

Прошло уже около семи месяцев с момента последней встречи, с того дня, когда Стив и Мэри поженились. Я несколько раз задавал ему вопрос, зачем он взял в жены юную девушку, гораздо младше себя, которую едва знал, почему ищет ее сейчас, когда не осталось и тени сомнения в том, насколько различно их положение в обществе? Мэри с детства привыкла к совершенно другой жизни, а вот со Стивом ее ожидали настоящие испытания, и выдержала бы она их, я до сих пор не знаю. Я уверял его, что все это чистое безумие, а он отвечал, будто такова истинная любовь и понять дано лишь тому, кто ее испытал.

Амир замолчал, снова отпил из стакана, а потом вдруг швырнул его в камин, и я вздрогнула от громкого звона и рева взметнувшегося вверх пламени. Мужчина продолжил совершенно иным тоном:

— В тот день Стиву удалось передать Мэри записку. Он написал, что приехал за ней и ожидает весточки под окном ее комнаты. Он спрятался в кустах и сразу увидел, как Мэри выбросила из окна веревку. Я наблюдал из-за деревьев, где мы спрятали карету, как девушка спускалась вниз и почти добралась до земли, а потом вдруг сорвалась и упала. Друг подхватил ее на руки и бросился в мою сторону. Я вскочил на сиденье возницы и, когда Стив уложил в карету бесчувственную жену и запрыгнул следом, тотчас же хлестнул лошадей.

Мы мчались так быстро, как только могла ехать карета. Но родные не собирались позволять Мэри сбежать с виером. Погоня настигла нас на горной развилке, а потом Рональд, который скакал во главе, выстрелил в меня. Лошади рванули вперед в тот же миг, когда пуля прошила мне плечо, и я упустил повод. Карету качнуло в сторону, а меня скинуло со скамьи, и я ударился головой о камень. Дальше помню лишь тот момент, когда очнулся. Я лежал у края дороги, под скалой, вокруг не было ни души. Когда события всплыли в памяти, я подполз к краю обрыва, и вот там, на дне ущелья, где бежала быстрая река, я увидел обломки кареты среди камней. Тел уже не было видно, их унесли стремительные горные воды...

Амир снова замолчал, и я решила, что он больше не заговорит, но мужчина поднялся, снова наполнил до краев стакан и остановился у камина. С видимым усилием он продолжил:

— Когда-то давно, много лет назад, Стивен спас мою жизнь, а я не смог спасти его. В тот миг на краю ущелья я очень ясно осознал, что благородство не зависит от происхождения. Убийцей может стать и чистокровный, воспитанный в истинных традициях аристократ, который настолько печется о чести рода, что готов смыть позор кровью. Свой

долг перед Стивом я попытался вернуть позже, когда перешел на сторону виеров, чтобы воплотить в жизнь его мечту, внести свой вклад в историю виерского движения и приблизить, насколько это возможно, столь желанное другом равноправие.

Амир закончил свою речь и взглянул на меня.

— Теперь ты понимаешь, отчего не сложились мои отношения с твоими родителями, Виолетта?

Я лишь покачала головой в ответ.

— Роланд не убийца. Вы ошиблись тогда. Пуля просто срикошетила от скалы и попала в ваше плечо.

— Срикошетила?

— Да.

— Виолетта, никто не станет стрелять в возницу кареты на горной дороге, если не желает убить всех, кто в ней едет. По-твоему, Роланд совершенно не ожидал, что выстрел напугает лошадей, а карета может свалиться в пропасть?

— Этого могло и не произойти!

— Могло. Вот только у меня был амулет, особенный ментальный амулет, который я сам изготовил. Тот, что предупреждал об опасности, несущей угрозу моей жизни. Он был очень нужен тогда, в довольно бурный период молодости. Он нагревался каждый раз, когда удар был направлен против меня. В тот миг, за секунду до выстрела Роланда, амулет раскалился едва ли не докрасна. Но, может быть, он тоже ошибся, приняв благие намерения твоего отца за попытку убийства?

— Нет! — Я вскочила на ноги. — Нет!

Хотела продолжить и задохнулась вдруг. Тело била крупная дрожь, как сегодня утром, когда Амир вытащил меня из лабиринта.

Уйти, сбежать отсюда! Сейчас же! Куда-нибудь, где можно спрятаться, туда, где меня не будут окружать ненависть и боль, и все эти чувства, которые практически невозможно выдержать. Я схватилась руками за голову, не видя, куда бегу, и споткнулась обо что-то, почти упала, когда Амир поймал меня за талию и помог устоять на ногах.

— Куда ты?

— Пустите, пустите! Отпустите! Я задыхаюсь рядом с вами, я не могу!

— Виолетта! — Он вдруг крепко сжал меня руками, потом ухватил за волосы и запрокинул голову. Край стеклянного стакана коснулся моих губ. — Пей! — прозвучал короткий приказ, и в меня буквально силой влили какую-то жидкость, обжегшую горло. Я закашлялась, отворачиваясь, а Амир снова поднес питье к губам и велел: — Еще!

С трудом сделала глоток, и тепло разлилось по телу, растворяя озноб. Ректор убрал стакан и поддерживал меня какое-то время, ожидая, пока перестану дрожать. Я уткнулась лбом в его плечо, чувствуя его напряжение, слыша тяжелое дыхание над ухом. Он резко отстранился, потянул меня за руку и почти толкнул в кресло. Взгляд упал на бутылку, и я потянулась к ней, налила себе еще волшебной жидкости, а когда хотела пригубить, Амир накрыл стакан ладонью.

— Не стоит напиваться, Виолетта. Не поможет.

— Сами ведь напиваетесь, отдайте! — Я столкнула его пальцы и разом осушила стакан. Дыхание перехватило, зато огонь пробежал по венам, голова закружилась, тело расслабилось. Алкоголь немного притупил боль, и дышать стало гораздо легче. Комната покачивалась перед глазами, а ректор отобрал остатки «чудодейственного лекарства».

— Помогло?

— Мм, дайте еще.

— С тебя уже довольно.

Он забрал бутылку и поставил на каминную полку, повернулся ко мне, наблюдая, как я поудобнее устраиваюсь в его кресле и подкладываю ладонь себе под щеку.

— Никак спать собралась?

— Мм.

Силы меня оставили. Голова кружилась все быстрее, и даже с закрытыми глазами легче не становилось. Я весь день сегодня толком не ела из-за волнения, а сейчас пьянела слишком быстро.

Послышался звук шагов, ректор поднял меня и еле успел подхватить на руки, когда я не смогла устоять на ногах. Уцепившись за его плечи, открыла глаза и с удивлением рассматривала пляшущий потолок и стены.

— Я хочу на крышу, танцевать с луной.

— Могу предложить только комнату для гостей. Танцы на моей крыше грозят окончиться не слишком мягким падением.

— Несите в общежитие, там лестница... — Слова звучали все невнятнее, но мне казалось, что он непременно послушает.

— Уже бегу. — Амир поднял меня повыше и понес, не преминув сделать замечание: — Весь вечер это пью, и хоть бы какой эффект, а вот тебе крепче воды ничего нельзя давать.

— Идем танцевать? — доверительно шепнула я.

— Идем спать! — Амир вышел из кабинета, пошел куда-то по коридору, а я откинула голову назад, рассматривая темный потолок. Глаза сами по себе стали слипаться. Вокруг было так тихо, темно, мерная ходьба мужчины укачивала, а голова по-прежнему кружилась. Я уложила ее поудобнее на широкое плечо, зевнула и подумала, что если пора спать, то почему бы не здесь. А дальше провалилась в темную мягкую мглу без сновидений.

И снова он пришел ко мне, вторгшись в спокойные и безмятежные грезы. Только в этот раз эмоции были совершенно другими, как и ощущения. Не было чувства, будто я увязую в липком болоте, из которого нет возможности выбраться, лишь обычные сети обычного сна. Несмотря на это, я все равно потянулась к безумно привлекательному мужчине, который стоял напротив и улыбался. Выбросила вперед руку и коснулась тонкой прозрачной грани стекла, а потом ощутила, как меня тянут назад. Я опустила голову, увидела на талии руку Амира, который шепнул мне: «Стой, он опасен». На руке ректора сверкнуло массивное золотое кольцо, которое вдруг налилось красным сиянием, а когда я вновь подняла глаза, в руках незнакомца оказался револьвер. Мужчина направил его немного вверх, целя над моей головой. При этом улыбка не сходила с его губ, но теперь и я почувствовала опасность.

— Нет! — крикнула ему. — Не смей! — Громкий выстрел оглушил, заставил зажать уши руками, а позади вместо защищавшего меня мужского тела я вдруг ощутила пустоту. Когда обернулась, Амира там уже не было.

— Никто не помешает мне, — прошелестел в тишине голос убийцы, вдруг обретший удивительное сходство с интонациями Роланда Лавальеро.

Я резко открыла глаза и села в постели. Прижала руку к груди, в которой бешено колотилось сердце, и испытала просто невероятное облегчение, оттого что все это лишь привиделось мне.

Оглядевшись вокруг, увидела просторную комнату, в центре которой и стояла кровать. Светло-бирюзовые шторы с сиреневой отделкой были плотно задернуты. Потолок покрывали фрески, представлявшие, кажется, сцену охоты с всадниками на скачущих галопом лошадях и бегущими впереди собаками. На стенах висели красивые тканые панно с изображениями на тему виерских верований. На полу лежал толстый ковер, а из мебели стоял только прикроватный столик, два кресла и большой шкаф у противоположной стены. Судя по интерьеру, я находилась в гостевой комнате. Спустившись с кровати, дошла до окна и распахнула шторы: на востоке занималась заря. Наверное, все еще спят, вряд ли даже слуги поднялись в такую рань. Есть, интересно, у Амира слуги, а то я кроме старичка-дворецкого никого и не видела.

Кинув взгляд в пустой сад, решила, что пора возвращаться в свою комнату. Сейчас вряд ли кто-то заметит, как я крадусь на рассвете из дома ректора академии. Помнится, Амир говорил, что примет решение уже сегодня, но неужели он меня прогонит? Вряд ли. Если бы хотел, то вчера не стал бы со мной разговаривать. А раз он меня оставляет, то нет смысла ждать его пробуждения.

Таким вот образом я убеждала себя, оправдывая нежелание вновь встречаться с ректором. В душе по-прежнему царили разлад и беспокойство. Хотелось вернуться к себе, к подругам, поделиться с ними всем тем, что довелось узнать. Я верила, они помогут справиться со всем, что на меня навалилось. От них я не услышу слов, полных злобы или ненависти, они просто пожалеют и ничего не потребуют взамен. Амир, конечно, тоже не требовал, скорее это я выступала в роли просительницы, ведь от него зависело мое дальнейшее обучение, но именно из-за ректора я покинула дом родителей, именно его они так сильно ненавидели.

Я спустилась вниз, в пустой холл, и подошла к входной двери. Дернув ручку, с досадой обнаружила, что замок заперт, а ключа поблизости нет. Вот как теперь уйти отсюда незаметно? Вдруг при встрече с Амиром опять не совладаю с эмоциями? Меня и так уже разбирало недовольство, оттого что показала перед ним свою слабость, а еще это ненавистное чувство зависимости от его решения... Домой я точно не вернусь, а больше идти некуда.

Я повернула в сторону библиотеки, быстро дошла до двери и тихонько вошла в темное помещение. Помнится, здесь достаточно большие окна, чтобы можно было через них выбраться в сад. Раздвинув занавески на ближайшем окне, я подергала раму. Неужели и тут замок?

— Щеколда сверху, — раздался спокойный голос, а я ойкнула и резко обернулась.

Амир лежал на диване, закинув руки за голову, и наблюдал за мной из-под полуприкрытых век. Смутившись, подняла взгляд вверх на щеколду и поняла, что просто так до нее не дотянусь, придется сперва карабкаться на подоконник, а тогда я точно буду выглядеть глупее некуда.

— Куда бежишь? — спросил Амир, садясь и упирая локти в колени. Он положил подбородок на сцепленные пальцы и невозмутимо смотрел на меня.

— Я возвращаюсь в свою комнату. Время подходящее, все спят. Не ожидала застать вас здесь.

— Любимое место, когда мучает бессонница, — промолвил Амир, поглядывая на мою ладонь, в которой я нервно сжимала оконную ручку, неосознанно продолжая дергать ее вниз.

— Оторвешь, — заметил ректор.

Я медленно отошла от окна, борясь с желанием развернуться и выбежать из комнаты.

— Могу отворить для тебя входную дверь, но сперва давай-ка побеседуем.

— А что вы хотите мне сказать? — Сердце сжало нехорошее предчувствие.

— Для начала спрошу, что ты надумала делать? Ты всерьез убежала от родителей и собираешься продолжить учебу здесь или это такой коварный шаг, чтобы заставить их пойти на какие-то уступки?

— Это не коварный шаг, — возмущенно ответила ему, — это взвешенное решение!

— А они добровольно отпустили тебя в этот раз? Даже после того, как поняли, что выбор в пользу виерской академии был сделан под моим давлением? Может, сегодня же Лавальеро приедут и заберут тебя домой?

— Не приедут они за мной! — ответила я резко, с трудом сдерживая досаду. Вот обязательно ему нужно докопаться до самой сути! — Они разочарованы моим выбором, хотели увезти подальше на некоторое время, а после вернуть в академию к Зору. Я с этим не согласна, поэтому и приехала сюда.

— А ты знаешь, что если они передумают, то заберут тебя?

— О чем вы?

— Пока ты не достигла двадцати лет или не вышла замуж, они твои опекуны и вправе распорядиться твоей судьбой так, как посчитают нужным. Если завтра, когда их обида немного поутихнет и они сообразят обвинить меня в тлетворном влиянии на их дочь, родители за тобой приедут, то по закону ты не сможешь воспротивиться их воле.

— Не говорите... — Едва не сказала «глупостей», но быстро исправилась: — Подобных вещей. Им нет до меня дела, они сюда не приедут.

Амир вновь закинул руки за голову и посмотрел в потолок.

— Чтобы иметь возможность принимать самостоятельные решения, тебе лучше выбрать себе попечителя до достижения совершеннолетия.

— Попечителя?

— Да. Ты можешь по собственному желанию подать заявку на назначение твоим попечителем любого уже состоявшегося взрослого человека из твоих родственников или знакомых. Если родители не опротестуют это заявление в течение трех дней, тогда обзаведешься новым опекуном. В случае если родители решат настоять на своем, они должны будут сперва достигнуть согласия в этом вопросе с твоим попечителем.

— Никто мне не нужен! Никакой новый опекун! — насупилась я. — Родители за предыдущие полгода даже на письма не ответили, не то чтобы приехать за мной.

— Разгребали последствия скандала, я полагаю. Однако замечу, что, во-первых, эта новость не будоражит более умы светского общества так, как раньше, и тебя можно вернуть, а во-вторых, разве позволят тебе оставаться и дальше в руках ужасного бесовестного аристократа вроде меня?

Я хотела ответить, что позволят, но на минуту усомнилась в этом.

— Кого назначишь? — тут же ощутил перемену в моем настроении Амир.

Вот интересно, насколько хорошо этот интуит чувствует мои эмоции? Насколько развит его дар, какова его сила?

— Поговорю с Эди, — ответила я.

Ректор едва заметно усмехнулся, но кивнул.

— Можно я теперь пойду?

— В конце недели приедет комиссия, — не ответил на вопрос Амир. — Мы организуем

небольшой прием. В составе комиссии помимо организаторов состязаний будут присутствовать представители учебного совета и меценаты, которые горят желанием лично познакомиться с условиями обучения в академии. Придется общими усилиями производить благоприятное впечатление на всех визитеров, поскольку от них очень многое зависит.

— Вы хотите, чтобы я помогла с организацией?

— Хотел попросить тебя не натворить чего-нибудь... неординарного.

— Я и не собиралась. — Обида прозвучала в голосе помимо моей воли, и, стараясь скрыть ее, я задала ректору волнующий меня вопрос: — А они разве не будут спрашивать о происшествии в лабиринте?

— Возможно, удастся этого избежать, если расследование, которое сейчас проводится, покажет причастность представителей аристократической академии к опаванию наших участников. В таком случае победа просто автоматически достанется нам. Но если Зор удачно замел следы, тогда могут либо присудить ничью и разделить выигрыш, либо, если победят аристократы, выделить средства на развитие академии из личных пожертвований меценатов. Их необычайно заинтересовала наша команда, но все опять же зависит от их впечатлений.

— Мне ясно. Я пойду?

— У меня для тебя еще одна новость.

— Какая? — Сердце вновь испуганно застучало.

— Истор ночью пришел в себя.

— Правда? — Колени вдруг ослабли, и я опустилась на невысокий подоконник. — Как он?

— Скоро поправится, как раз к концу недели, как говорит Диана.

— Хорошо, — ответила я, опуская голову и пытаясь сдержать подступившие слезы.

— Это все, Летта. Если ты действительно приняла твердое решение, то оставайся в академии с условием, что не будешь подстраивать каверзы тем, кому не посчастливилось заслужить твое расположение, станешь следовать местным правилам, а еще сдашь экзамены за первое полугодие через две недели.

— Как много условий, может, забыли что-нибудь?

— Забыл попросить тебя затянуть шнуровку платья.

Я резко опустила глаза вниз и, зардевшись от смущения, быстро стянула ткань на груди.

— Теперь все, можешь возвращаться в общежитие.

Глава 7

Самостоятельные решения

— Виолетта, слов нет! — Эля сидела на стуле, не сводя с меня округлившихся глаз, а Мелинда даже рот открыла от удивления.

— Не их дочь? — переспросила она.

— Да. — Я кивнула и, сохраняя внешнюю невозмутимость, пригубила из кружки чай.

— А-а-а... — Дальше девушка не нашлась что сказать, зато Эля пришла в себя и принялась выпытывать подробности разговора с Амиром. Больше всего ее интересовало, почему я не рассказала, что моим настоящим отцом был его друг.

— Зачем рассказывать?

— Как зачем? Тогда ваши отношения изменились бы, ведь он твоего отца уважал.

— Эля, он очень четко объяснил мне, что его отношение обусловлено моим воспитанием и характером, а никак не происхождением.

— Если Амир перешел на сторону виеров ради того, чтобы отдать долг погибшему другу, то уж о его дочери он бы позаботился.

— Мне не нужна его забота! Сама справлюсь.

— А что ты теперь будешь делать?

— Буду учиться и найду себе подходящую работу.

— Учиться? Работу? — Теперь Эля открыла рот. — Ну, насчет учебы оно понятно, но чтобы ты на кого-то работала и выполняла чьи-то указания... Сомневаюсь.

— Я подыщу подходящее место.

Обхватив горячую кружку ладонями, вновь поднесла ее ко рту. Ничего страшного, я справлюсь со всеми выпавшими мне испытаниями, зато отныне не буду зависеть ни от кого. Помолчав, перевела разговор на другое:

— Эля, как там Истор?

— Пока в лазарете. Хочешь сходить проведать его?

— Я должна... Хотя, честно говоря, мне не по себе, особенно после того видения в лабиринте.

— Оно на то и видение, что было ненастоящим.

— А ты когда поговоришь с преподавателем Эдваром? — подала вдруг голос притихшая Мелинда.

— Ну... можно и сейчас к нему пойти.

— Мели-и-и, — протянула вдруг староста, — ты ревнуешь нашу Ви к Эди?

— Ничего не ревную, — смутилась девушка и уставилась в окно, старательно избегая наших взглядов.

— Да ладно тебе, ну станет он ее попечителем, что с того?

— Мелинда, неужели твои чувства настолько серьезны? — Я внимательно посмотрела на покрасневшую девушку. — Эди мне друг, именно поэтому я и решила попросить его, других причин нет. И он ко мне тоже относится по-дружески.

— А вдруг ты ему нравишься? — спросила Мелинда.

— Ерунда, он ко мне тепло относится из-за сестры.

— Жаль, — вдруг вставила свое слово староста.

— Чего тебе жаль?

— Жаль, что у Амира сестры нет. Спасла бы ее, и ваши отношения наладились бы.

— Да что ты так за наши отношения переживаешь?

— Потому что живешь тут с вами, как на вулкане. Никогда не знаешь, то ли ты его допечешь, то ли он тебя. Когда вы помиритесь?

— Мы не ссорились! У нас изначально такие отношения, и, как бы я ни старалась исправиться, он в упор не замечает! Только и твердит о том, что я избалованная, эгоистичная и взбалмошная.

— Ну, Летка-а-а, — заулыбалась Элинна.

— Что?

— Ничего. — Староста переводила хитрый взгляд с меня на Мелинду. — Мел, слышишь, не переживай ты по поводу своего Эди, он Ви и даром не нужен. У нас тут рыбка покрупнее наклеывается.

— Ты это о чем? — Я сурово взглянула на состроившую невинную гримаску Элю, а она только плечами пожала.

— О том, что вы с Эди друзья, а ты о чем подумала?

Я с возмущением отвернулась, со стуком поставила на стол кружку и поднялась.

— Пойду поговорю с Эдваром.

— Я с тобой, — подскочила Мелинда, и мы вместе вышли за дверь.

— Виолетта, ты Элю не слушай. Я не ревную, я просто... даже и не знаю, как это объяснить.

— Ты правда влюбилась в него?

— Я... — Мелинда глубоко вздохнула, словно набираясь храбрости, а потом быстро произнесла: — Это все из-за эфиальта.

— Эфиальта?

— Ну, после той ночи, помнишь, когда ты увезла меня из поместья, я только им и грезила. В легендах говорится, что это очень красивый мужчина, а я теперь только поняла, у каждой девушки свой идеал. Один ей нравится внешне, другой нет. А я своего суженого и раньше представляла. Не так, как можно настоящего человека увидеть, мечтала просто... а потом во сне, когда эфиальт пришел, я ясно поняла, какой он, тот, о ком мечталось. И потом все не могла его образ из головы выкинуть. А когда еще и ты из дома ушла, мне совсем невмоготу стало, тогда и решилась сюда, в академию, прийти. А тут я Эди встретила... Он так на него похож, Виолетта!

— На эфиальта?

— Да. Не одно лицо, но сходства много. Теперь вот понять не могу, то ли я правда его полюбила, то ли наваждение какое. Совсем мысли путаются, а сердце стучит каждый раз, как его вижу, так и хочет из груди выпрыгнуть. Ты уж прости меня.

— Мелинда, за что прощать? Ты совсем ни в чем не виновата. Сложно подобные чувства контролировать. Я бы и рада тебе помочь, если б могла. А с Эди у меня ничего нет, честное слово.

В этот момент мы как раз подошли к двери преподавательского кабинета, и Мелинда отступила.

— Заходить не буду. Пошла потому, что поговорить хотела. Эля ведь как перевернет все с ног на голову, даже сама путаться начинаешь. А про родителей я вот что скажу: так оно лучше будет — одной пожить, уж совсем они свободы тебе не давали. Я знаю, что больно

сейчас, но перетерпеть нужно, а когда невоготу станет, сразу нам говори, в себе не держи. Чувства — они такие, их выпускать надо, а то как начнут бродить да с ума сводить. А время пройдет, и болеть меньше станет, ты уж мне поверь. Прошое вернуть никак нельзя, с настоящими родителями не увидеться, а Эстер и Роланд тебя вырастили, тебе просто со всем этим смириться нужно.

— Спасибо, Мелинда, за поддержку. — Я пожала девушке руку, распрощалась и постучала в дверь.

— Тебе затруднительно исполнить мою просьбу? — уточнила у растерянного Эдвара.

— Не так чтобы очень... но быть попечителем молоденькой девушки — это большая ответственность. А вдруг ты завтра замуж соберешься, мне тогда с будущим мужем переговоры вести, все вопросы утрясать, а заодно и с твоими родителями.

[Купить полную версию книги](#)